

МАКСИМ СТРЕЛЬЦОВ
САМОЛЕТЫ
НЕ ВОЗВРАЩАЮТСЯ

Максим Сергеевич Стрельцов

Самолёты не возвращаются

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74547516

*Самолёты не возвращаются: [роман] / Максим Стрельцов: Детская литература; Москва; 2027
ISBN 978-5-08-007779-1*

Аннотация

После смерти папы жизнь Миши рушится: он ссорится с мамой, теряет друзей в школе, ему не с кем поговорить о трагедии – он чувствует ее горечь, но не может ни осмыслить, ни выразить. К тому же его настигают последствия ошибок, совершенных его отцом. Мише придется повзрослеть и пройти непростой путь от отрицания к принятию, чтобы защитить все, что ему дорого, и справиться с главным испытанием – разрушением мифа об идеальном отце.

«Самолёты не возвращаются» – роман взросления, который будет одинаково полезен и близок как подросткам, так и взрослым. Читатель-подросток найдет в герое равного себе друга. Для взрослого же читателя эта книга – как встреча с собой много лет спустя, как возможность вернуться к пережитым травмам юности, принять их и по-новому осмыслить.

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	17
Глава 4	21
Глава 5	31
Глава 6	37
Глава 7	50
Глава 8	62
Глава 9	72
Глава 10	80
Конец ознакомительного фрагмента.	90

Максим Стрельцов

Самолёты не возвращаются

Книга-победитель Международной литературной премии имени В. П. Крапивина

«Уже не первый десяток лет приходится слышать упорное: у нас нет новых книг для подростков и о подростках. Настоящее, дескать, было написано во времена Щербаковой, Драгунского, Железникова, Крапивина...

Это не так. Появляются хорошие, сильные книги и сегодня.

Вот одна из них. Молодого писателя Максима Стрельцо-

ва. Еще на стадии рукописи, под иным названием, роман был удостоен премии Владислава Крапивина. Теперь он издан.

Возьмите в руки, прочитайте. И те, кого принято называть подростками, и в первую очередь товарищи взрослые».

Роман Сенчин

© Стрельцов М. С., текст, 2027

© Оформление серии. АО «Издательство «Детская литература», 2027

Глава 1

Миша сидел на кухне и листал на телефоне одно видео за другим, пытаясь отвлечься от того горя, которое повисло в их квартире, впиталось в стены, в мебель, даже в одежду, как едкий запах гари.

Ему попался отрывок из японского мультфильма.

«Твой отец героически бросился в огонь, – говорил пожарный мальчику, герою мультика. – Он спас тебя и твою маму... но его самого мы вытащить не смогли».

Крупный план – большие глаза мальчика, наполненные слезами и отчаянием. Моргнул – слезы исчезли, осталось только отчаяние.

«Как же ребенок теперь будет жить? – шептались размытые персонажи на фоне. – Расти без отца – это ведь...»

Миша не дослушал реплику, махнул пальцем по экрану.

Другое видео, кусочек клипа на какую-то старую песню – медленный гитарный перебор, мужчины в костюмах несут закрытый гроб, женщины в черных платьях плачут и утирают слезы платками. Дождь тяжелыми каплями падает в могильную яму.

Миша снова переключил видео.

Наконец что-то не про смерть – яркая заставка под хохлому, красивая девушка-ведущая с улыбкой до ушей. Звонким голосом она затараторила: «А вы знали, как в Древней Руси

проходили поминки? Сейчас расскажу!»

– Они издеваются? – проворчал Миша и заблокировал телефон.

Стало тихо, будто он не телефон выключил, а весь звук в квартире. Миша просидел на кухне еще пару минут, не нашел, чем еще занять себя, и решил вернуться в свою комнату. Проходя по коридору мимо родительской спальни, он услышал из-за закрытой двери мамин вздох, потом тонкий приглушенный всхлип и еще один дрожащий вздох. Руки и ноги у Миши покрылись гусиной кожей, страх холодком сковал грудь. Он боялся постучать в дверь, зайти к маме, увидеть ее мокрое от слез лицо, разбросанные по полу смятые платки и салфетки, мрачные венки в углу комнаты. Лучше пройти мимо, не беспокоить ее без причины.

Миша зашел в свою комнату. Холодок страха вырвался из груди и охватил все тело. Миша задрожал, хотя в квартире было жарко и душно. В последнюю неделю августа в Краснодаре стоял ужасный зной: в квартире – баня, на улице – сковородка. Но Миша все равно будто оледенел.

Он открыл окно, с горячим воздухом впустил в комнату звуки: птичий гомон, лай собак, смех детей с игровой площадки. Стало легче: мамы уже не слышно, дрожь прошла.

Рядом с окном к стене были прибиты полки, на них – с дюжину самолетов и вертолетов, папины поделки, уменьшенные копии реальных моделей. Обычно, если квартира маленькая, детям выделяют уголок в родительской комнате, но

у них было наоборот: уголок родителя в детской. Мама не разрешала ставить самолеты в спальне и на кухне, позволяла только в комнате Миши.

Тут были истребители и штурмовики, пропеллерные и реактивные, несколько вертолетов упирались лопастями в стену. На самой верхней полке, куда Миша с трудом мог дотянуться, стоял «Орлан» – не просто игрушечная модель один к семидесяти двум, а единственный самолет, внутри которого было сердце – электрический двигатель. Отец сам спроектировал и собрал его, вместе запускали весной.

С краю на средней полке стояла новая модель – штурмовик Ил–2. Уже собрана, но не докрашена – серая невзрачная недоделка среди нарядных собратьев. Миша взял модель в руки, осмотрел ее. Киль выглядел странно: краска шла пятнами, будто пальцами заляпали.

Миша открыл небольшой ящик внизу под полками, устроенный специально для деталей, красок и прочих мелочей, нужных для сборки. Прямо сверху в нем лежала упаковка от Ил–2. На обложке у самолета был яркий зелено-коричневый камуфляж: теперь понятно, почему краску так нанесли.

Внутри коробки ничего полезного не оказалось: только выжатый до последней капли клей и пластмассовый скелет, к которому крепились детали для сборки. Рядом с упаковкой от самолета лежала отдельная коробка с красками. Коричневой было много, красной и черной хоть отбавляй. А вот зеленой, как на обложке, не осталось. Лежала только одна ба-

ночка, но совсем пустая, с высохшими остатками на доньшке. Понятно теперь, почему Ил-2 стоял недоделанный.

Миша еще раз посмотрел на обложку упаковки. Красиво должно получиться, когда папа закончит. Но нет, не закончит... Вдруг все вернулось: холодок в груди, дрожь, всхлипывания мамы из спальни. Мише захотелось схватить эту хрупкую модель двумя руками, сломать пополам и выбросить в окно. Чтобы не было ничего незаконченного. Чтобы остались только красивые модели на полках. Чтобы ничего не напоминало, что папа никогда не вернется домой.

Глава 2

Школа, в которой учился Миша, была в сотне метров от их дома. Из своей комнаты он даже мог разглядеть, как в школьном дворе толпятся люди. Сегодня там впервые с мая соберутся все ученики и учителя на первосентябрьскую линейку. Гимны страны и края, вынос знамени, встреча первоклашек, скучные речи директора и учителей – будет все как всегда.

Но не для Миши. Раньше он приходил на линейку вместе с кем-то из родителей. Мама с папой провожали Мишу по очереди. В прошлом году был папа. А в этом... Мама до сих пор почти не выходит из спальни, все время плачет. Миша не представлял, как подойти к ней, как заговорить, как разбудить к линейке. Лучше уж он пойдет один.

Во внутреннем дворе школы гудело не меньше тысячи голосов: шепотные, еще не остывшие после летних приключений дети, их поглядывающие на часы родители, суетящиеся учителя. Мише в этой куче народа надо было разыскать свою мини-кучку с классной руководительницей во главе.

Пока Миша выглядывал одноклассников, на него наткнулась девчонка. Или он на нее. В этой толкучке все попеременно друг на друга натыкались.

– Где здесь седьмой «А»? – спросила она.

Миша скользнул по ней глазами, машинально дернул пле-

чами и ответил:

– Не знаю.

Разошлись. И только спустя минуту Миша вспомнил: он уже не в шестом «А», в этом году переходит в седьмой. Седьмой «А» – его класс! Как глупо вышло, стыдно теперь.

– Эй, Михай! Дуй сюда!

Его позвал Петя Нестеров. Рядом с ним – Саша Камозин. С ними Миша ходил на футбол пять лет, пока не вывихнул весной голеностоп и не бросил тренировки. В школе троица тоже держалась обычно вместе: списывали друг у друга домашку, обсуждали, кто как сыграл на выходных, смеялись над мемами. Миша пожал им руки и улыбнулся – впервые за последние дни.

Классная стояла тут же, пересчитывала головы. Та девчонка, которая искала седьмой «А», пошла совсем в другую сторону...

– Мы обсуждали, как «Краснодар» в этом сезоне стартовал, – сказал Петя. – В этом сезоне точно за чемпионство поборемся.

– Ой, да каждый раз так: стартуем хорошо, а в конце все равно «Зениту» сливаем. – Саша помотал головой и плюнул в клумбу.

Миша пытался припомнить хоть какие-то последние результаты, чтобы тоже что-то сказать, но ничего в голову не приходило: в этом году он не видел ни одного матча. Да и раньше смотрел редко, у них в семье никто спортом не увлека-

кался. Сам Миша занимался футболом только за компанию с Петей и Сашей – они втроем дружили еще с детского сада. Только оставшись без тренировок из-за травмы, Миша понял, что не особо скучает по бутсам, гетрам, зеленому газону и футбольному мячу. Но все равно – поговорить о спорте было намного лучше, чем сидеть дома наедине со своими мыслями и плачущей мамой.

– Ну не знаю, летом мы на турнире «Зенит» дернули в финале, – сказал Петя.

– А что за турнир? – спросил Миша, чтобы хоть как-то поучаствовать в разговоре.

– Юношеский, в Сочи. Забыл? А, у тебя ж травма...

Нестеров с Камозиным переглянулись с таким видом, будто проболтались о вечеринке, на которую не позвали третьего друга.

– Голеностоп уже вылечили, – сказал Миша.

– Тогда форму набирай скорее. На твоей позиции конкуренция высокая, – посоветовал Петя.

– Знаешь что? Ты на матчи почаще приходи, – предложил Саша. – Там с тренерами можно пообщаться, напомнить о себе. Мой батя абонемент купил прям рядом с нашим тренером. Всего двадцать тысяч на сезон за место.

– Ага, точно, спасибо за совет. – Миша прекрасно понимал, что вряд ли в этом году придет хоть на один матч.

К троице присоединился четвертый одноклассник – Арсен Манукян, такой же смуглый, как загорелые Нестеров и

Камозин. Арсен пожал ребятам руки. За его спиной показался отец: бронзовое лицо, черные глаза, колоритный нос с горбинкой. Он поздоровался с ребятами и отошел к классной руководительнице.

– Как лето, пацаны? Ездили в отпуска? – спросил Арсен.

– Ага. Я с родителями сразу после турнира полетел в Турцию, – ответил Петя. – Две недели, все включено. Сидел в джакузи и объедался мороженым.

– Завидую, – сказал Саша. – Мои потащились в Питер. Пришлось с ними по Эрмитажу болтаться. Сдалось мне на это старье пялиться.

– А ты, Михай, куда ездил с родаками? – спросил Петя.

– Никуда. Тут были, – ответил Миша с плохо скрываемой грустью. Отчего-то его еще бесило это обращение – Михай. В прошлые года вроде нормально все было, не злило, а теперь слышать не мог.

– Мы тоже в Краснодаре все лето провели, – поддержал его Арсен. – Папа весь в работе, большую стройку ведет, некогда отдыхать.

Классная наконец досчитала головы, сверилась с листочком в руках.

– Все в сборе? Хорошо! Единственное... у нас новая девочка, Лиза Гамаюн, что-то ее не вижу.

Точно, та девчонка. Миша вспомнил дурацкую ситуацию, вернулся стыд, ударил в лицо, навел краску на щеки.

– Я здесь!

Кто-то вытянул руку из толпы позади учительницы. Все расступились, приняли новенькую в круг.

Высокая и худая девчонка совсем не походила на своих новых одноклассниц. Те уже старались всеми силами казаться взрослыми: и одеждой, и макияжем, и поведением. Лиза же была как будто только из начальной школы – в простой белой блузке, без косметики на лице, с двумя тонкими косичками за плечами. Но среди других девчонок ее больше всего выделяла не одежда и не спичечное телосложение, а что-то другое... Миша смотрел на нее и не мог понять, что именно. Что-то особенное было в том, как она стоит, держит руки, смотрит перед собой, небрежно поправляет русые косички.

Миша глянул на других девчонок, привычных и уже надоевших одноклассниц. Потом снова посмотрел на Лизу и вдруг понял. Она, эта новенькая, не знает, что она красивая. Другие стараются быть привлекательными: подчеркивают лучшее, прячут худшее, рисуют недостающее. А Лиза пришла и встала посреди классного круга такая, какая есть – простая и свободная. Это сразу сделало ее самой красивой девушкой в классе. Миша встретился с ней глазами: неловко, по-прежнему стыдно.

Классная всех построила в три ряда. Началась линейка. Первые десять минут школьники еще делали вид, что наблюдают с интересом, но потом внимание рассеялось, все стали отвлекаться, переговариваться, смотреть в телефоны.

– Ничего такая новенькая, – вполголоса сказал Петя.

– Ага. Посмотри, наши девчонки как гадюки зашипели, – подхватил Саша. – Чего пялишься, Арсен? Красть невесту думаешь?

– Чего?! – разозлился Арсен.

– Манукян, а ну тихо! – зашипела на него классная, пока Нестеров и Камозин смеялись в кулак.

– Дебилы... как будто тоже не пялитесь, – сказал им Арсен.

Сама Лиза не чувствовала этих взглядов, не замечала их. Она пыталась заговорить с другими девчонками, но те отвечали сухо, иногда грубо, не пускали в свою компанию.

Линейка кончилась. Толпа школьников потянулась ко входу, чтобы разбрестись по классам. Миша понимал: полчаса их подержат в кабинете и распустят. Придется возвращаться домой – так этого не хотелось, надо чем-то отвлечься.

– Пацаны, у вас случайно нет дома красок? – спросил Миша, вспомнив про недоделанную модель.

– Красок? – переспросил Петя с усмешкой. – Я могу у своей младшей сестры акварельки попросить. Хотя чего просить: приходи в гости, вместе с ней будете солнышко над домиком рисовать.

– Не. Михай, наверное, имел в виду краску для стен. Хочет свою комнату в розовый перекрасить, – расхохотался Саша.

Шли теперь по коридору в потоке других школьников.

Мише приходилось разговаривать с их затылками:

– Нет. У меня модель самолета есть. Хочу покрасить. Для нее, наверное, какие-то специальные нужны.

– Тебе какие? – подключился к разговору Арсен, который шел еще на шаг позади. – Акриловые, эмалевые, масляные?

– Во, Арс тебе поможет! Покрасите, бенз зальете и прямым рейсом в Ереван полетите!

Нестеров с Камозиным вошли в кураж, гоготали без умолку. Все одноклассники теперь таращились на них. Совсем не такой поддержки ждал Миша от старых друзей по футбольной команде.

Глава 3

После первого учебного дня школьники высыпали на Платановый бульвар. На скамейках, на лужайке у фонтана, в очереди за мороженым – белый верх, черный низ.

Четверо Мишиных одноклассников играли с бродячим псом. Кидали ему палку, бродяжка послушно приносил. Можно было подумать, что он ручной, дрессированный, но желтая бирка на ухе не оставляла сомнений: ночует пес тут же, под одним из платанов, и ест из мусорки ресторана неподалеку. Миша хотел присоединиться к одноклассникам, бросить палку бродяжке, почесать ему за ухом, скормить кусок пирожка с мясом, который лежал в рюкзаке. Но не подходил, стоял метрах в пяти, прислонился к облезлому стволу платана, делал вид, что читает что-то в телефоне.

На самом деле таким был весь первый день в школе для Миши. Хочет ответить на вопрос учителя, а рука не поднимается. Надо спросить, в каком кабинете следующий урок, а голос пропадает. Собирается посмеяться над шуткой, а губы немеют, не получается даже улыбнуться.

Собака быстро наскучила школьникам. Кто-то позвал их, все побежали к фонтану. Пес остался на месте.

Дернулся было за ними, но увидел, что палка так и осталась лежать у его лап, и остановился. Посмотрел им вслед, наострив уши, а потом повернул морду к Мише. Пес смот-

рел без обиды, удивления или страха. Казалось, он и не знает, что это вообще такое: обида, удивление, страх. Потоптался на траве, потом лег в тени, положил голову на передние лапы. Миша решил, что пес умаялся и нечего к нему лезть. С одноклассниками тоже развлекаться не мог – не то настроение. Таща рюкзак на одном плече, Миша пошел домой.

Жили они в панельной девятиэтажке, какими наполовину застроен Юбилейный. Скрипучая железная дверь на входе, обшарпанный подъезд, двушка на пятом этаже с куцей квадратной кухней и крошечной ванной. Миша иногда завидовал тем одноклассникам, кто жил в новостройках, когда они рассказывали про подземный паркинг, консьержа на входе, быстрые тихие лифты и вид на город с двадцатого этажа. Но свой дом Миша любил – из-за дворика. Жители года три назад договорились и поставили ворота и калитку на въезде, поэтому тут не было стоянки чужих машин, и вместо бесконечной парковки – уютные деревянные беседки перед каждым подъездом, спортивная площадка с футбольными воротами и много деревьев. Особенно Мишу радовало одно конкретное дерево – клен позади одной из беседок.

Это был «их» клен. Миша с отцом вместе посадили его много лет назад. Папа купил саженец, который тогда был вдвое выше дошколенка Миши, выкопал яму, посадил, привязал к черенку. Миша тогда мог помочь только тем, что подавал инструменты, утрамбовывал землю после посадки слабой ножкой двадцать шестого размера, поливал из домашней

лейки. Одно из самых ранних его воспоминаний. И одно из самых ценных. Если бы Миша мог его вытащить из головы, как фотографию, то поставил бы в рамку на самое видное место, на полку рядом с кроватью: чтобы с ним засыпать и просыпаться.

Миша не спешил подниматься в квартиру. Мама уже не сидела круглые сутки в спальне: встала, наводила порядок. Но все равно дома было еще грустно. Миша кинул рюкзак у клена, сел рядом на траву, спиной к стволу. За годы дерево вымахало и ввысь, и вширь. Все так же вдвое выше Миши.

В тени на прохладной траве было хорошо, намного комфортнее, чем в душном классе школы или дома в своей комнате под вентилятором. Шершавая кора клена приятно покалывала спину и затылок. Миша смотрел вверх: на зеленые листья, ясное небо на фоне. Он думал о том, что это красивое сочетание цветов: зеленое с голубым. Ветер копошился в кроне. Листья касались друг друга и шелестели, будто напевали шепотом колыбельную. Миша зевнул, прикрыл глаза. В темноте опущенных век еще не остыл отпечаток листьев на фоне неба. Миша невольно улыбнулся. «Папе бы понравилось», – подумал он и опустил голову на грудь. На веках постепенно исчезали образы реальности, наступала густая уютная темнота. Миша был не против, приглашал эту темноту, хотел вздремнуть. Но вдруг яркий свет разогнал ее, залил все вокруг. Шквальный ветер налетел на клен, отчего дерево загудело с удвоенной силой, заглушило все остальные звуки

с улицы. Сквозь этот шум Миша расслышал тихий, еле уловимый голос:

«Сын мой! Я не могу подойти и обнять тебя. Не могу взять тебя за руку. Не могу даже никак прикоснуться к тебе. Но у меня осталась душа, чтобы чувствовать тебя. Чувствовать радость, когда ты счастлив. Чувствовать грусть, когда тебе плохо. Мне жаль, что жизнь оказалось так коротка. Что я не могу быть рядом в эти сложные для тебя дни. Но ты всегда можешь найти мою поддержку, услышать мой голос. Я не брошу тебя. Я буду рядом».

Яркий свет, ветер и шум клена исчезли так же быстро, как и появились. Миша вздрогнул, открыл глаза. Он не понял, что услышал, но, ощущая затылком клен и видя над собой его листву, уже не чувствовал себя таким же одиноким, как бродячая собака на бульваре.

Глава 4

Первый день после смерти папы остался в памяти Миши хором рыданий, молитв, причитаний. Второй и третий дни – тихие всхлипы из-за закрытой двери родительской спальни. Четвертый и пятый – возня на кухне и в ванной, первые робкие, ничего не значащие фразы. «Доел? Оставь на столе, потом помою... Вынеси мусор утром, когда в школу пойдешь... Время видел? Чистить зубы и спать...» На шестой день мама убрала отовсюду папины вещи и вернулась на работу. Дома наступила тишина. Это была красная линия – все горе приказано оставить позади.

У мамы был свой магазин на первом этаже жилого дома. Напротив был рынок с десятками одинаковых маленьких павильонов. Мамино отдельное помещение со своим входом и большим складом считалось престижным. Миша только в первый класс пошел, когда помещение покупали, но прекрасно помнил, как папа на кухне долго торговался с предыдущим владельцем, щекастым и широким, как жаба, дядькой, как родители волновались из-за большого кредита, который пришлось брать в банке под залог квартиры, и как радовались, когда его выплатили.

Продавала мама в основном одежду и всякую мелочь вроде перчаток, шарфов, сумок и ремней, которые она называла красивым словом «галантерея». Раньше они вместе с па-

пой работали. Но когда в карантин в двадцатом году магазин на время закрылся, папа стал искать другой заработок и за прилавков больше не вернулся. Мама тогда же, в карантин, пыталась перевести торговлю в онлайн, но не подружилась с маркетплейсами. Миша каждый вечер слышал на кухне, как она с кем-то ругалась по телефону. Потом интернет бросила, снова открыла магазин, когда стало можно. Все-таки были у мамы свои клиенты, одни и те же покупатели ходили к ней уже больше десяти лет – еще с тех времен, когда они с папой начинали торговать в маленьком павильоне на рынке. Да и ей самой было приятнее чувствовать себя хозяйкой настоящего магазина, чем просиживать часы перед компьютером, выкладывая товары на маркетплейсы.

Мама любила говорить, что ее главное преимущество перед большими сетевыми магазинами – хороший вкус на вещи. Она сама ездила на оптовый рынок и закупала только то, что понравилось ей самой. Другие этого не понимали, спрашивали: «Ну можно же из Китая заказывать! Зачем так запариваться?» Но мама только глаза закатывала. Она не хотела торговать тем, что привезут, – хотела сама выбрать, пощупать, примерить. Много за раз никогда не закупала, но зато на складе остатки никогда не залеживались. Мама так это объясняла: «В торговле важно не объемы закупить, а быстро обернуться». Миша не понимал, куда ей надо обернуться, но по тому, сколько мама зарабатывала с небольшого магазина, догадывался – в торговле она что-то да смыслила.

Иногда после школы Миша заходил провести маму в магазине. После карантина она одна торговала, продавцов не нанимала, поэтому Миша или папа старались почаще заглядывать: помогали справляться с наплывом посетителей или составляли компанию в ленивые послеобеденные часы, когда покупателей на горизонте не было видно.

Про Мишу с мамой всегда говорили, что они мало похожи. Лидия, так звали маму, невысокая, крепкая, с сильными руками. Миша – вытянутый, костлявый, и двух раз на физре подтянуться не мог. Волосы у мамы темные, почти черные, и прямые. У Миши, наоборот, светло-русые, начинают кудрявиться, стоит им отрасти хоть на три-четыре сантиметра. Одевались тоже по-разному: мама всегда в строгом и официальном (брюки, блузки или водолазки), Миша вне школы всегда в свободном, мятом и небрежном (джинсы, бледная футболка или бесформенный свитер).

Единственное, чем мама с Мишей были похожи, – глаза. У обоих серые, повернутые внешними уголками вниз, отчего вечно казались грустными.

После очередного дня в школе Миша зашел к маме – в первый раз с тех пор, как она вновь открыла магазин после траурной паузы. Мама была не одна. Хотя шли те самые ленивые послеобеденные часы, в магазине было тесно – мамы друзья пришли. Видимо, тоже, как и Миша, понимали, что ей сейчас противопоказано одиночество.

Рядом с мамой стояла Инга – худая высокая тетка с сухим

лицом и длинными ногтями. Она работала в администрации рынка и всегда была настолько строгой и занудной, что даже слова поддержки не просто говорила, а зачитывала, как генерал на параде. Вот если просто записать ее речь и показать кому-то, выйдет даже вполне мило и нежно:

– Молодец, Лида, что вышла на работу. Рутинка – она всегда помогает, выправляет жизнь.

Но вот если слушать ее голос – прямой, как гудок паровоза, с тонкой хрипотцой на гласных, – то не захочется ее обнять или поблагодарить. Захочется встать по стойке смирно и отдать честь. Миша побаивался эту Ингу. В детстве как-то раз ему приснился кошмар, что она ткнула его пальцем в живот, и тот сдулся, как воздушный шарик. До сих пор Миша косо смотрел на ее длинные ногти.

Позади мамы в высоком офисном кресле сидела Рита – она же Марго, она же Маргарита. Миша раньше путался, пока не узнал, что это все вариации одного имени. Она была намного симпатичней Инги: невысокая, чуть полноватая, с широкой улыбкой и густыми каштановыми волосами, которые топорщились кудрями во все стороны. Но все же пугала она не меньше Инги. Бывало, сидит себе в углу тихо-спокойно, как сейчас в мамином рабочем кресле, а потом как взорвется: то слезной истерикой, то неумемной радостью. И что в истерике, что в радости у нее одинаково загорались глаза: большие, черные, с блеском чертовщинки в зрачках. Если истерика, то будет выть, как олениха в капкане. Если ра-

дость, то будет хохотать ведьминским грудным смехом. Работала она раньше на рынке, женскую обувь продавала – так и познакомились с мамой. Потом обувь бросила, в другом месте косметикой занялась, потом недолго парикмахершей работала, потом свое кафе открывала, сейчас вообще в интернете какие-то курсы проходит. «Каждый год – новая профессия», – так про нее папа говорил.

Напротив мамы стояли еще двое: Олег и Ольга. Она – с короткой стрижкой и подбритыми висками. Он – с копной светло-желтых волос, собранных на затылке. Она – резкая, подвижная, неугомонная. Он – ленивый и спокойный. Она – в кроссовках, джинсах и спортивной ветровке. Он – в туфлях, брюках и рубашке. У них была небольшая турфирма. Офис тут же, на рынке, но в помещении получше: фасадом прямо на пешеходный бульвар. У них, в отличие от Инги и Риты, были свои дети, уже взрослые. Поэтому Олег или Ольга всегда угощали Мишу чем-нибудь, не забывали про «мелкого», по выражению Риты. И не называли Мишу «мелким», что тоже было приятно.

– Миша, ты что-то хотел?

Десять минут пришлось разглядывать прилавки, прежде чем мама отвлеклась от друзей и обратила на сына внимание. Обидно. Еще обиднее, что Миша действительно «что-то хотел», но стеснялся просить при посторонних.

– Да не. Я так. Свет дома выключили. – Врать не пришлось, электричество последние месяцы и вправду сбоило. –

Пришел ради кондея. Можно тут посижу, в телефоне поиграюсь?

– Иди на свое место. Если придут покупатели, постарайся не мешать.

«Свое место» – это табуретка со старой подушкой рядом с подсобкой. Удобно тем, что в этой закутке за стеллажами Мишу почти не видно посторонним. Плюс можно быстро принести коробки или пакеты из запасов, если мама попросит. Да и вайфай из кафе через стенку тут ловил отлично.

– И часто свет выключают? – спросил Олег, когда Миша скрылся за стеллажами и включил гонки на телефоне.

– Этим летом – просто кошмар! – ответила мама. – В июле, в самую жару за сорок, на весь день могли отключить. Невозможно!

– Говорили по телевизору, что иначе сеть перегрузится, и весь город без света останется на несколько дней, – сухо заметила Инга, будто недовольная тем, что мама ругается на отключения.

– Вот всегда так, через одно место... Зимой к снегу не готовы, летом – к жаре, – не унималась мама.

– Переезжать вам надо из этих панелек, – сказала Ольга.

– Думаешь, я не понимаю? Все понимаю. Мы смотрели варианты. Но теперь, как Игоря не стало...

Миша прибавил громкость: рев двигателя и визг проskalзывающих шин теперь отзывался по всему магазину. Но Миша все равно невольно слышал продолжение разгово-

ра.

– Не знаю, что делать, – продолжала мама. – Вчера вот звонили, приглашали на ипотечную консультацию, но как узнали про мужа, сразу сказали, что вряд ли.

– Так! Это не дело! – Рита громко прервала бормотание мамы и вскочила с места. – Ничего не понимают эти дурни в банке! Ну их в баню!

– Понимают или нет – мне-то какая разница? Тех денег, что мы с Игорем успели скопить, все равно не хватит. Да и цены так взлетели за последние два года. Сто пятьдесят тысяч за квадратный метр, и это в новостройке аж на Западном обходе. Где такое видано?

– Забудь! И про Западный обход, и про новостройки вообще – забудь! – Голос Риты заглушал даже шум гоночных машин в телефоне Миши. – У меня есть знакомый риелтор, он говорит, новостройки сейчас покупать невыгодно. Гнут цены бешено! Он подберет тебе хороший вариант на вторичке. А на твою квартиру в панельке быстро найдет покупателей. Ту продашь, из своих добавишь и купишь новую в сто раз лучше!

– Ох, не знаю, Рита... Тут и торговать надо, и по дому дела делать. Теперь же все на мне одной, пойми.

– И риски большие, – добавила Инга. – Попробуй продай еще в панельном доме.

– Мой риелтор – все продаст! – отрезала Рита. – А ты, Лидуся, не унывай! Что теперь, не жить дальше, что ли?

– Правильно, Ритка, – согласилась Ольга. – Лида, жизнь продолжается. Тем более ты у нас еще молодая такая.

– Молодая-молодая! – подхватила Рита. – Вот не отворачивайся, не отмахивайся! Возраст – он не в паспорте, он на лице написан. Вот сколько тебе по паспорту? Сорок пять? А по лицу – тридцать пять! Поэтому нечего на себе крест ставить.

Ураган Марго поутих. Миша снова ничего не слышал, кроме звуков игры в телефоне.

Спустя пару минут послышался протяжный голос Олега:

– Нам, наверное, уже пора, Оля. – После бойкой речи Риты он звучал будто в замедленной записи. – Думаю, мы уже наскучили нашей Лидии.

– Ну что вы, какой там наскучили? Наоборот, спасибо, что пришли, поддержали, – ответила мама. Она старалась говорить бодро, но по голосу было слышно, как она на самом деле устала от этих разговоров и хотела просто посидеть одна в пустом магазине.

– Прав Олег, прав, – заговорила Рита. – Пойдемте. Лидуся, номер риелтора я тебе пришлю сегодня. И знаешь что? Давай я к тебе сегодня вечером зайду, и мы вместе после работы к нему в офис сходим. Как тебе идея? Ну все, зайду-зайду, не отнекивайся!

– Я буду в конторе. Заходи, если понадобится, – добавила Инга.

Шаркающие шаги, щелчок открывшейся двери, хлопок

двери закрывшейся. Миша докатал заезд в игре, пришел первым и с чувством выполненного долга заблокировал телефон.

Мама сидела в рабочем кресле, поддерживая подбородок двумя раскрытыми ладонями, будто ее голова – тяжелый мешок с песком, который надо постараться не уронить. Миша хотел было заговорить о том, зачем пришел, но увидел устало прикрытые веки мамы и вновь не решился.

– Пойду домой, наверное. Посмотрю, включили ли свет.

Мама очнулась, удивленно посмотрела на сына, словно забыла, что он приходил, и закивала:

– Да-да, иди, конечно.

Миша пошел на выход, но у самой двери все-таки остановился. Нет, нельзя уходить, даже не попытавшись. Он резко развернулся и выдал на одном дыхании:

– Мам, дома осталась недоделанная модель самолета. Я хочу ее закончить, но нужно краски докупить...

– Так, Миша... Твой отец очень много денег тратил на эти поделки. Не хватало, чтобы и ты туда же.

– Ну и что с ними делать? Выкинуть, что ли?

– Давай вечером это обсудим, – на выдохе сказала мама и пальцами потерла глаза.

– Но ты же вечером идешь на встречу с риелтором, я же слышал.

– Значит, ты слышал и то, как сейчас все дорого. Не только квартиры подорожали. Все подорожало. Надо быть акку-

ратнее с деньгами, не тратить лишнего, если мы хотим переехать в новую квартиру.

– Может, я и не хочу переезжать, – пробубнил себе под нос Миша.

– Иди делать домашние задания.

– Мам, первая неделя учебы! Какие домашние задания?

Она вздохнула вот этим своим грудным вздохом. Знакомый Мише вздох. «Закипает», – говорил папа, когда слышал его.

Мама достала из сумки кошелек, подошла к Мише, протянула ему свернутую купюру и села обратно. Миша развернул купюру. Пятьдесят рублей. Даже «Сникерс» не купишь. Лучше б дала бумажку с надписью: «Уходи прочь! Я устала от тебя!» По крайней мере, так было бы честнее.

Глава 5

В школе худшим временем стали перемены. На уроках все было спокойно: сиди себе тихо, слушай учителей или не слушай и играй в телефоне. Иногда что-то приходилось записывать в тетради, но и от этого при желании можно было отлынивать. Изредка просили ответить на вопрос или выйти к доске – тут главное было перетерпеть эти пять-десять минут позора, а дальше жизнь текла по-прежнему. А вот на переменах Миша не знал, что делать, к кому примкнуть, и чувствовал себя одиноко.

С прежними друзьями, Петей Нестеровым и Сашей Камозиным, Миша окончательно поругался еще в первую неделю учебы. Саша рассказывал о тренировке по футболу, которая была накануне:

– Новый защитник вообще никуда не годится. Как я его на ложном замахе убрал? Чувак на задницу упал, как лох! – Саша засмеялся в голос, и Петя вместе с ним.

– Да, такие у нас не задерживаются, – сказал Нестеров и потом обратился к Мише: – Михай, как тебе финт Сани? Видал? Гляди в оба, а то будешь следующим.

Миша сначала не понял, какой финт ему нужно оценить, и вообще, он-то тут при чем? Может, его на тренировке на видео сняли, показывали всем? Но потом до него дошло.

– Мне больше запомнилось, как я тебе мячом по голове

со всей силы засадил, – ехидно ответил Миша.

– Чего? Когда такое было? – Камозин перестал смеяться, насупился.

– Так на прошлой тренировке. Не помнишь? Ну это понятно. От такого удара память отшибло.

– Михай, ты чего гонишь? Не было такого, – вступился Нестеров.

– Так ты тоже ничего не помнишь. Это нормально, я и тебе нехило так по башке зарядил. Тебе кровью футболку залило, ты еще плакал потом, как девчонка.

Петя с Сашей переглянулись, раздули плечи, расставили локти пошире.

– Хорош гнать, Михай.

– Ага. А то я сам тебе по башке надаю, – пригрозил Камозин.

Это стало последней каплей. Когда друзья после шутки, пусть даже не очень удачной, начинают злиться и угрожать, это уже не друзья.

– Ну а как еще объяснить, что у вас память отшибло? Вы даже не помните, что меня не было на прошлой тренировке. И ни на какой тренировке последние четыре месяца, козлы!

– За базаром следи, – только и нашел, что ответить, Камозин.

Тут как раз открыли кабинет для следующего урока.

– Да пошли вы все...

Миша двинулся к кабинету, не забыв на ходу посильнее

задеть рюкзаком обоих бывших друзей.

После того раза Миша на каждой перемене либо сидел в телефоне, либо тупо смотрел на стену перед собой. Один раз, утром перед первым уроком, так же одиноко стояла у подоконника новенькая, Лиза. Миша, преодолевая дрожь в коленках, решился к ней подойти и спросить:

– Как тебе в нашем классе? Осваиваешься?

– Справляюсь. Кабинеты сама нахожу, без подсказок, – ответила она.

– Кстати, да... Ты извини, что я тогда на линейке тебя проигнорил. Сам забыл, в каком я классе.

– Да все нормально. Я сама все еще шестерку пишу, если где класс надо подписать, а потом зачеркиваю и рядом пишу семерку. У тебя тоже так?

– Ага. Или когда новый год наступает – весь январь потом черкаешь даты в тетради и в дневнике.

Лиза улыбнулась ему. Миша хотел было еще ее порасспрашивать – откуда она приехала, кем родители работают, но уже в следующую секунду почувствовал удар сзади по лодыжке и упал на пол.

– Я предупреждал: будь начеку, а то и тебя на задницу посажу!

Камозин подкрался... Подло нападать со спины и еще подлее – делать это на глазах у новенькой. Миша вскочил и погнался за обидчиком – хотел его самого лягнуть хорошенько по ноге. Но Саша удрал, не оставив Мише и шанса, –

Камозин всегда бегал быстрее всех в команде.

После этого случая Миша уже ни с кем не пытался заговорить на перемене. Только стоял у стенки, следил, чтобы никто к нему снова не подкрался.

Другие одноклассники к Мише тоже не подходили. Все уже слышали про его отца, но не знали, как об этом с ним говорить. Да и вообще, думали, раз хочет один постоять, пусть стоит, чего к нему лезть.

Единственным исключением был Арсен, который раз в пару дней подходил к Мише с расспросами о самолетах. Они никогда не были друзьями, в прошлые годы даже не здоровались. Арсен вообще был парнем странным: не интересовался ни спортом, ни играми, ходил в старой одежде, которая ему явно не по размеру, руки вечно потные, испачканы то ли краской, то ли чернилами, и еще от него иногда просто ужас как разило потом, особенно после физры.

Первый раз Арсен спросил про самолеты на следующий день после того, как Миша неудачно попытался выклянчить деньги у мамы.

– Ну что, докрасил модель?

Это было в столовке, Арсен сидел напротив. Мише его вопрос напомнил о ссоре с мамой в магазине, и ему стало грустно. За минуту в его голове промчался целый воображаемый диалог: как он рассказывает Арсену о засохших красках, о маме, которая не дает деньги на новые, как Арсен смеется над ним из-за этого и рассказывает, что у него три сотни

баночек с краской дома валяется.

– Миш, ты чего? Так докрасил или нет?

– Отвали! – сказал Миша и встал, чтобы отнести поднос с пустыми тарелками на стойку с грязной посудой.

Только уже уйдя из столовой, Миша вспомнил, что Арсен ничего плохого не сказал, а весь диалог он сам выдумал.

Пару дней Арсен обижался, не лез с вопросами. Потом на трудах они столкнулись в подсобке с инструментами, и Арсен как бы невзначай заметил:

– Вот эти можно в «Леонардо» купить. В «Галерее» есть магазин. Такие подойдут для любой модели.

Он говорил о баночках с акриловой краской на верхней полке. В ряд стояло несколько штук с названиями цветов: черный, зеленый, красный, синий...

– Ага. И стоят такие, как целый самолет, – грубо и холодно ответил Миша и сразу же вышел из подсобки.

Миша думал, что теперь-то Арсен точно отстанет. Он сам и на меньшее обиделся бы. Но уже на следующий день, ничего не объясняя, Арсен поставил перед Мишей на парту две небольшие баночки с красками: зеленой и коричневой.

– Что это? – бросил Миша в спину уже уходившему Арсену.

– Лишние краски. Мне не нужны, – ответил он, стоя впол оборота к Мише. – Чего-чего, а зеленых и коричневых у меня до фига скопилось. Бери, мне не жалко.

– Откуда они у тебя?

– Так я ж сам модели собираю. Семейная традиция: дедушка собирал, папа, все старшие братья, я тоже. Ты бери, не стесняйся. – Он указал рукой на краски. – У меня дома таких целый ящик.

Миша вспомнил все их короткие разговоры за неделю. Комок стыда свернулся в груди и подкатил к горлу – как тогда с Лизой на линейке, только в тысячу раз сильнее.

– Эй, Арс! – позвал Миша, когда Арсен вновь развернулся и стал отходить.

– Чего?

– Я сам ни разу не собирал. И не красил. Поможешь?

Глава 6

В ближайшее воскресенье ребята встретились у Миши дома. Арсен принес целый рюкзак с разными баночками, тюбиками и кисточками со словами:

– Мало ли что пригодится.

Миша провел экскурсию по коллекции отца: показал ряды собранных и готовых моделей и единственный недоделанный Ил-2.

– Кайфуха! – воскликнул Арсен. – Ты не говорил, что тут еще целая полка вертолетов: «Аллигатор», «Крокодил», «Черная акула».

– Чего? Какой еще аллигатор?

– Это так разные вертолеты называются. У нас дома только Ми-24 «Крокодил». Вот этот. – Он показал пальцем на единственную одновинтовую модель. Другие были с двумя винтами на одной оси. – Его папа собирал. Давно, когда я еще даже не родился. А можно те другие подержать, поближе посмотреть?

– Конечно.

Арсен потянулся к черной двухвинтовой модели, но у самого фюзеляжа отдернул руку и полез в рюкзак.

– Сейчас, подожди... Папа ругается, когда я без перчаток модели хватаю. Говорит, следы от пальцев остаются.

Он достал пару медицинских перчаток.

– У меня руки иногда потеют. Особенно когда жарко. У тебя не потеют? Мне брат говорил, что у всех в моем возрасте потеют, это нормально.

– Вроде нет, не потеют обычно. Может, только если на контрольной по алгебре.

– Ну да, на алгебре все потеют. Тебе дать перчатки?

Миша посмотрел на свои руки, которые были сухие и чистые, в отличие от ладоней Арсена.

– Не знаю. Если прям надо...

– На, держи на всякий случай.

Арсен всучил Мише пару синих латексных перчаток.

– Моя мама в поликлинике раньше работала, поэтому перчаток и масок у нас дома целый ящик. Проси, если еще нужны будут.

– Хорошо, – ответил Миша, но перчатки пока все же не надевал, положил в карман. – А у тебя брат есть? Я не знал.

– Ага. Не брат, а братья. Оба старшие. Самый старший, Ашот, тоже строитель, как папа, в Сочи работает. Второй, Арутюн, в Москве сейчас, на программиста поехал учиться.

Миша представил: а если бы у него тоже были братья или сестры, старшие или младшие? Наверное, было бы не так одиноко. С другой стороны... Он вспомнил, что над Арсеном в школе вечно посмеивались из-за того, что тот ходил во всяком старье – очевидно, донашивал за старшими братьями.

– Мама твоя где? За покупками пошла? – спросил Арсен.

– Нет. Она на работе.

– На работе? Сегодня же воскресенье.

– А она теперь каждый день работает. Как на вывеске на магазине: «Без перерывов и выходных».

– И как тебе одному целый день дома?

– Ну как... не знаю... Тихо.

– Завидую. У нас дома тихо никогда не бывает. Особенно на праздники, когда все братья приезжают.

Арсен долго вертел в руках и разглядывал каждую модель. Раз в пару минут, когда крутил винт самолета или открывал дверцу кабины пилота, восхищенно вздыхал, приговаривая: «Кайфуха!» Любимое словцо. Миша вспомнил, что в школе не раз слышал его от Арсена. Раньше оно только раздражало, а сейчас вроде ничего, нормально воспринималось. Как знак уважения поделкам отца.

Мише стало неловко просто топтаться в сторонке и смотреть, как Арсен перебирает одну модель за другой: сначала вертолеты, потом самолеты. Миша взял недокрашенный Ил–2 и баночку с зеленой краской.

– Я пока начну...

– Нет! – перебил его Арсен и поставил модели обратно на полку. – Подожди красить. Сначала надо ее помыть.

– Помыть? Просто под краном?

– Неа, так не пойдет. У вас есть моющее средство для пола?

Миша пожал плечами.

– Наверное. Я могу посмотреть на балконе, где всякие хозяйственные штуки лежат.

– Иди посмотри. Короче, система такая. Набираешь полведра воды, туда один колпачок моющего. Потом полоскаем там твою модель, даем ей подсохнуть, и только тогда можно красить. Иначе пылинки и мелкие волоски под краской останутся. Когда высохнет, некрасиво получится.

– Ладно, понял.

– Давай ищи ведро и моющее. Я пока тут расстелю бумагу, тоже с собой из дома взял, чтобы пол не запачкать.

Балкон – самое нелюбимое Мишино место во всей квартире. «Два квадратных метра свалки», – так называла его мама. Здесь было пыльно и грязно, а те самые «хозяйственные штуки» лежали и держались друг на друге так, что нельзя было вытащить что-то одно, не уронив при этом еще две-три вещи.

Ведро нашлось сразу, стояло рядом с сушилкой для белья. Внутри – куча тряпок. Тряпки Миша вытащил, вытряхнул пыль и мелкий сор и выставил ведро за дверь, чтобы не мешалось. Моющее на глаза так просто не попадалось. Значит, придется открывать старый двухметровый шкаф. Хламохранилище. Единственное место в квартире, про которое мама говорила: «Не лезь туда. Только я там могу что-то достать и ничего не сломать».

Миша открыл дверцы. Вот оно – моющее для пола. Как удачно, что литровая бутылка стояла на средней полке, у бо-

ковой стенки, и вроде бы ничего не подпирала. Миша чуть потянул моющее на себя. Ничего не задрожало, не покосилось. Значит, все и вправду безопасно. Оно и понятно: моющее нужно всегда, его постоянно достаешь и ставишь обратно. Логично, что храниться оно должно так, чтобы легко было достать. С другой стороны, мама терпеть не могла мыть полы. Так сразу и не вспомнишь, когда она в последний раз орудовала шваброй...

С этой мыслью Миша вытащил бутылку, и тут началась цепная реакция. Позади моющего стоял молоток, он сразу соскользнул и упал. За ним упал раздвижной гаечный ключ. Он, в свою очередь, подпирал коробку с шуруповертом. Коробка съехала, ударила Мишу в живот и с глухим звуком грохнулась на пол. Ну а все остальное посыпалось лавиной: пластмассовый горшок для цветов, короткая швабра для окон, длинная швабра для пола, сдувшийся футбольный мяч, пара деревянных реек, мухобойка, пакет с керамзитом и под конец рулон обоев, больно ударивший по темечку. «Не лезь туда!» – звенел в голове строгий голос матери.

Миша чуть ли не по колени оказался в ворохе этого барахла. Держа в руках бутылку моющего, вытащил одну ногу, поставил ее на стороне кухни, потом так же вытащил вторую. Захлопнул дверь на балкон, чтобы хлам не вылезал за пределы «двух квадратных метров свалки». Впервые Миша был рад, что мама работает на выходных и не вернется до вечера. Он зашел в ванную и поставил ведро под кран. Пока на-

биралась вода, Миша умылся, пришел в себя, собрался с мыслями. Мама вернется часа через четыре, до этого можно успеть прибраться на балконе. А еще за это время можно сесть на трамвай, доехать до вокзала, а оттуда в Сочи на «Ласточке» – сбежать подальше от маминого гнева.

Ведро наполнилось. Миша забрал его и вернулся в свою комнату. Арсен сидел на полу. Он посмотрел на Мишу испуганными глазами и проговорил дрожащим шепотом:

– Чего там?

– Моющее досталось с боем.

Миша поставил ведро на пол.

– Один колпачок?

– Ага.

Миша влил моющее в ведро, перемешал рукой. Вода чуть вспенилась. Арсен окунул Ил–2, ополоснул хорошенько. Потом вытащил, встряхнул от лишней воды и поставил на подоконник в то место, куда попадало солнце.

– Минут за десять должна подсохнуть. Может, даже быстрее.

– Подождем.

– Так чего там случилось? – снова шепотом спросил Арсен. – По звуку будто ракета в дом попала.

Миша вспомнил плачевный вид балкона. Не хотелось снова открывать дверь туда.

– Арс, слушай, а билет на «Ласточку» до Сочи дорого стоит?

– Где-то тысячу. А что?

– Блин, дорого... Ладно, забудь. Можешь пока папины самолеты посмотреть. А я пойду, разгребать балкон начну. Позовешь...

– Не, пошли вместе.

– Не надо. Это ж я накосячил.

– Если б я про ведро и моющее не сказал, ты б и не пошел туда. Пошли вместе. Тем более все модели я уже посмотрел.

Они вдвоем пришли на кухню, посмотрели на балконную дверь, как на портал в ад.

– У нас в холодильнике немного колы осталось, – сказал Миша.

– Наливай, – ответил Арсен.

Миша достал из холодильника колу, взял из шкафа два стакана, разлил остатки – по чуть-чуть на каждого. Они с Арсеном взяли по стакану, вздохнули, чокнулись, одним глотком выпили до дна.

– Я готов. Открывай.

Арсен хлопнул в ладоши для храбрости, Миша открыл дверь. В кухню сразу ворвались швабра и рулон обоев, остальной хлам покоился на полу балкона.

– Глаза боятся, руки делают, как папа говорит, – сказал Арсен и шагнул на балкон.

Миша двинулся следом, прихватив швабру и обои.

– Ты помнишь примерно, как все было сложено?

– Так... Вот эта коробка с шуруповертом перед тем, как

упасть, ударила меня в живот – значит, лежала где-то посередине. От швабры вот синяк на левом плече – значит, где-то слева стояла. Обои ударили по голове – значит, сверху были.

– Хорошая у тебя память. Сейчас все на место положим.

– А! Еще вот эта полка прямо стояла, а сейчас как-то косо.

– С креплений соскочила.

– Наверное, с нее обои мне на голову скатились, – предположил Миша.

– Давай тогда с нее и начнем.

Ребята приподняли полку. Из боковой стенки торчали две круглые короткие деревяшки.

– Вот на эти чопики ставь, – сказал Арсен.

Миша примостил полку.

– Чопики? – спросил он.

– Ага. Так они называются. Понятно теперь, почему полка соскальзывает, на чопиках крепко стоять не будет. Надо что-то посолиднее придумать.

– Потом, – перебил его Миша. – Давай сначала с этим хламом разберемся.

– Давай. А это что такое?

Арсен показал на то, что было скрыто под упавшей полкой, – какая-то деревянная конструкция: каркас, по форме как цилиндр, зауженный к концу, снизу прикреплена длинная планка.

– Это же... это же... Обалдеть! – воскликнул Арсен.

– Что? Я впервые эту штуку у нас вижу.

– Помоги достать.

– А вдруг опять что-то упадет...

– Что тут может упасть? Он один на полке стоит.

Арсен взялся за перед конструкции, потянул на себя. Миша подхватил ее за конец.

– Так что это такое?

– Миша, это самолет! Только недоделанный. Прямо сырая заготовка. Но это точно он. Каркас фюзеляжа, крыло. Не готов корпус, киль тоже нет. Но вот тут впереди... Он хотел поставить сюда настоящий мотор?

Миша смотрел на деревянную конструкцию и представлял, как она обрастает всем необходимым: корпус, киль, кабина пилота, рычаги управления и, конечно, мотор впереди.

– Да, наверное, этого папа и хотел.

– Гонишь?

– Пойдем, покажу.

Миша переступил через хлам на полу и бросился в свою комнату. Арсен, с заготовкой самолета в руках, пошел за ним.

– Вот, смотри. – Миша показал на верхнюю полку. – Это «Орлан».

– И он что, летает? Я думал, это обычная стендовая модель, просто большая.

– Летает, Арс. Поверь. С папой вместе запускали.

– Кайфуха! И каково это?

Каково это? Миша посмотрел в окно на небо с рассеянны-

ми волнистыми облаками. Конечно, он помнил, каково это. Совсем недавно запускали, весной, на майских праздниках. С папой приехали на старый аэродром, который сейчас не используется. Там начальником охраны работал давний папин знакомый. В городе в те дни уже стояла жара, но на аэродроме было прохладно. Ветер гулял по взлетной полосе, хватал за неприкрытое горло, прижимал джинсы к коленям. Утренний чуть влажный воздух приятно покалывал в носу. Папа был сосредоточен, серьезен, не улыбался совсем. Поставил «Орлана» против ветра, проверил на пульте управления, работают ли закрылки и рулевые тяги, запустил двигатель. Там, на аэродроме, он звучал по-другому, чем в квартире. Дома это был просто звонкий рык, от которого болела голова. Но на открытом воздухе шум двигателя не бил по ушам, а заполнял все пространство вокруг и будто проникал с воздухом внутрь. Миша чувствовал, как в его сердце и ребрах отдаются вибрации. Словно он сам и есть самолет, его ребра – каркас, двигатель где-то внутри. Папа нажмет на рычаг на пульте, и он полетит.

Папа нажал на рычаг, «Орлан» сдвинулся с места, сделал короткий разбег и оторвался от бетонного настила. Миша за раз выдохнул всего себя: тело осталось стоять рядом с папой на обочине взлетной полосы, а все мысли парили в небе рядом с «Орланом». Папа сделал пару кругов на небольшой высоте, метрах в пяти от земли. Посадил самолет, что-то поправил и запустил снова. На этот раз поднял повыше, мет-

ров на десять. Приходилось пристально всматриваться, фокусировать взгляд, чтобы не терять самолет из виду. Папа выполнил несколько пилотажных фигур: бочку, спираль и даже один раз заложил мертвую петлю – после нее знакомый отца захлопал. Папа улыбнулся, снова посадил самолет и выключил двигатель, потом они собрались и уехали. Лучший день в жизни.

– Ну так чего? Как оно было?

– Круто, – только и смог ответить Миша. – Клади эту штуку на пол. – Он показал на заготовку самолета. – Пошли. Со свалкой надо закончить.

Ребята вернулись на балкон. Без самолета свободного места в шкафу стало больше, им удалось быстро запихнуть весь хлам обратно. Они закрыли дверцы и подперли их сушилкой, чтобы те вдруг не открылись и не вывалили содержимое обратно на пол.

– Я думаю, штурмовик уже высох. Можно красить, – сказал Арсен, когда они вернулись в комнату.

Арсен поставил Ил–2 на бумагу и развел зеленую краску, потом дал Мише кисточку и сам взял такую же. Договорились так: Миша красит переднюю часть фюзеляжа и крыло, Арсен – заднюю часть и киль. Пока сидели, сосредоточенно водя кисточками, Арсен спросил:

– Что думаешь с этим делать? – Не поднимая глаз, он показал головой в сторону недавно обнаруженной поделки.

– «Орлана» папа три месяца собирал. Все детали сам ма-

стерил. Без понятия, как одному это делать.

– Почему одному? Я помогу! Если ты, конечно, не против...

– А ты умеешь?

– Честно говоря... тоже без понятия, как его доделать. Я в основном стендовые модели собирал, которые готовыми наборами в коробках продаются. Папа и братья – тоже. А самому сделать модель, каждую деталь, да еще на радиоуправлении – это вообще... Высший пилотаж. Тут мастером надо быть.

Миша, продолжая красить, чуть наклонил голову, чтобы Арсен не видел, как он улыбается. Его папа, оказывается, был мастером. Никогда не думал об этом, не обращал внимания, а оно вон как получается. Мастер. Гордо звучит.

Докрасили Ил-2 через полчаса. Арсен в конце сам тонкой кистью нанес последние штрихи. Поставили самолет на полку, на прежнее место, где раньше он стоял непокрашенным. Теперь готово – ровные ряды завершенных самолетов, ничего недоделанного.

Если только не оборачиваться и не смотреть на скелет безымянной модели для полетов.

– Можно сфоткаю? Папе покажу.

Миша кивнул. Арсен сфотографировал штурмовик с нескольких ракурсов на телефон.

– Знаешь, а я все-таки однажды собрал модель с двигателем, – сказал он, закончив фотосессию. – Это была кордовая

модель. Она кордой управляется. Корда – это трос специальный. Я такой самолет в авиамодельном клубе собирал.

– У нас есть такой клуб? Офигеть!

– Есть, и несколько. Но офигевать там не с чего на самом деле. Ничего такого. Мы там в основном совсем простые модели собирали. Еще игрушки всякие делали, другие мелочи.

– Как у нас на трудах?

– Типа того. Я туда ходил со второго класса по пятый, потом бросил. Уровень для малышни из начальной школы. Вырос, уже неинтересно стало. Но, помню, препод там был классный. Егорыч зовут. Вообще он Николай Егорович, фамилия Жуковский, но мы его между собой всегда Егорычем называли. Короче, он реально шарит. Один пацан приходил к нам, корабль хотел собрать. Парусник деревянный. Так Жуковский ему все четко объяснил, помогал с каждой деталью. Не знаю, пускал по реке парусник тот пацан или нет, но внешне выглядело круто. Я думаю, надо к Егорычу твой самолет отнести. Он поможет. Что скажешь?

– Не знаю. Это ж совсем сырая заготовка, как ты сказал. А где вообще этот клуб? Недалеко хоть?

– В ДК железнодорожников у них помещение было. Это рядом с вокзалом. Я посмотрю в интернете, не переехали ли они.

Заготовка под самолет стояла посреди комнаты. Миша смотрел на нее и с легким испугом думал, сколько же сил надо будет вложить, чтобы доделать ее.

Глава 7

Под кленом было хорошо, уютно. Миша нашел идеальное место, чтобы проводить время рядом с деревом, – со стороны дома, где высокие кусты по бокам составляли нечто вроде гнезда. Миша был настолько худой, что за стволом клена его не было видно ни с противоположной стороны, из беседки, ни с детской площадки. Тихое, спокойное место, где можно спрятаться от всех, просто смотреть на небо и на зеленые листья клена. Миша приходил сюда почти каждый день, не появлялся только в дождь или сильный ветер. Когда стало холодно сидеть на земле, он начал брать из дома старый колючий плед, которым давно никто не укрывался, и стелить его на траву. Иногда приносил с собой учебник или книгу, читал что-то для школы. Несмотря на то что и здесь Миша сидел всегда один, ему не было так одиноко, как в квартире, потому что тут он чувствовал: папа рядом.

– Мы докрасили модель, которую ты в последний раз собирал, – рассказывал Миша после встречи с Арсеном. – Ил-2, помнишь? Попросил одноклассника помочь, у него были подходящие краски.

Миша закрыл глаза и без опаски погрузился в яркий свет, засиявший вокруг, и гулкий шум листвы.

«Мне жаль, что я не могу посмотреть на твою работу.»

Уверен, получилось красиво! Я рад, что ты не выбросил эти модели. Знаю, они бесполезны. Но я вложил в них много сил и старания. Теперь и ты вложил свои силы в один из самолетов. Мы будем связаны через них: переплетены твои старания и мои».

– И еще я нашел самолет на балконе, который ты начинал делать, – продолжал Миша. – Он очень большой. Размах крыла в два раза больше, чем у «Орлана». Хочется его тоже доделать, но я не знаю как. И не знаю, стоит ли... Мне кажется, я только испорчу то, что ты начал.

«Конечно, тебе стоит доделать мой самолет!

Я бы очень этого хотел. Да, эта работа непростая. У тебя уйдет на нее много сил и времени.

Но главное – не бойся попробовать, не бойся ошибиться! Для „Орлана“ некоторые детали я переделывал по пять раз, пока не получалось удачно. Лучше попытаться доделать самолет, чем оставить его на балконе, никому не нужный и всеми забытый».

– Знаю-знаю... Но тут еще мама. Она расстроилась, даже разозлилась, когда увидела, что я нашел твой недоделанный самолет и поставил его у себя в комнате. Я ничего не успел объяснить, а она сразу сказала, что не даст ни рубля на эти поделки. Я иногда боюсь, что она придет домой, пока я

в школе, соберет все модели в мешок и просто выбросит. А я не хочу выбрасывать. Хочу оставить, как было.

«Она этого не сделает. Мама не выбросит то, что тебе дорого. Ты говоришь, что она не дает тебе денег, но она делает это, потому что боится. Так же, как ты. Боится, что не справится одна. Боится, что денег не хватит. Боится, что настанет день, и она не сможет купить продукты или заплатить по счетам. Но она тебя любит и не причинит тебе вред. И ты ее люби и береги. Как любил и берег вас обоих я, когда был рядом».

Миша открыл глаза. Он не хотел задумываться о том, что это за голос. Просто так происходило, причем не всегда. Случались дни, когда Миша часами сидел под кленом, но от дерева не исходило ни звука. Иногда слышались только короткие фразы, отдельные слова, не связанные друг с другом. И только в редкие моменты голос звучал настолько отчетливо и осознанно, что с ним, как сейчас, можно было вести целый диалог. Миша любил эти моменты, ценил их, но боялся. Они наталкивали на мысли: как он слышал отца, если его нет рядом? Эту тайну страшно было узнать: вдруг, если узнаешь, больше никогда не услышишь папу так, как сейчас, – как будто он еще жив и сидит здесь, по другую сторону дерева.

– Хорошее место. Тихое, спокойное, – слышался другой голос, уже без сияния, без шума листвы клена. Самый что

ни на есть настоящий, живой, с хрипотцой, неровно произнесенными окончаниями, рубленой интонацией. Короче говоря, реальная человеческая речь.

Мише будто кляпом рот и нос заткнули: ни вдохнуть, ни выдохнуть. В груди похолодело. Лицо, наоборот, загорелось и вспотело. Хотелось обернуться и увидеть: вот он, папка, сидит здесь, как Миша и представлял, с другой стороны дерева, реальный, настоящий, живой... Но не мог обернуться. Слишком страшно.

– Точно никто не подсмострит? Не подслушает? – снова голос, на этот раз уже другой, не такой низкий, неуверенный.

Послышался скрип скамейки в беседке в двух шагах от клена.

– Сто процентов. Все на работе, а залетные прохожие сюда не зайдут, – продолжал прежний голос.

Кляп наконец убрали. Миша задышал глубоко, но, по возможности, тихо. На секунду он поверил, что папа и вправду... Нет. Конечно, нет. Этого не может быть. Всего лишь какие-то мужики пришли, сели в беседке. У первого просто голос похож на папин. Очень похож.

– Закрытый двор. Ты же сам видел: шлагбаум, калитка, – продолжал первый голос.

– Откуда, кстати, у тебя ключи от калитки?

– Так мы ж и устанавливали эту систему!

– А... Вы и таким занимаетесь? Я не знал.

– Всем занимаемся, где заработать можно. Тут жил один

мой рабочий. Помог навести мосты с местной управляющей компанией.

– Так, тихо-тихо... Здесь точно безопасно? Взрослые на работе, а как же старики, пенсионеры?

– Да успокойся ты, – послышался третий голос. Звучал он невянятно, будто говорящий что-то пережевывал. – Оглянись, ни души вокруг. Если даже кто-то сверху в окно высунется, нас не увидит, не то что услышит. Вон, крыша у беседки хорошая, новая. Тоже мы делали, кстати.

– А камеры? На каждом углу воткнуты, наверное?

– Я же говорю, – продолжал первый, похожий на папин, голос, – мы с местной управляющей компанией в тесном контакте. Если что, окажется, что камеры были неисправны и сегодня ничего не записывали.

Миша отошел от оцепенения и оглянулся. Аккуратно, чтобы не зашуршала ни одна веточка, выглянул одним глазком. Из-за ствола клена и росшего рядом высокого куста никто и не заметит.

В беседке было трое мужчин. Первый – худой и сутулый, с зализанными набок седыми волосами, которые подчеркивали сильно загорелое лицо. Напротив него сидел другой – упитанный, с круглыми гладкими щеками, в классическом костюме, даже с галстуком. У этого тоже волосы набок уложены в безнадежной попытке прикрыть лысину. Третий стоял рядом с первым, ел шаурму. Этот был очень высокий, еле помещался под крышей беседки, при этом сильный и муску-

листый.

Лицо суровое, крупное, будто слеплено из глины: мощные бугры бровей, нос скалой, челюсть круглая и костистая. Волосы подстрижены очень коротко, лишь еле заметная щетинка вырастает между глубоких залысин на висках.

– Ладно, верю, – заговорил тот, что в костюме. – Короче, я что хотел сказать: как в прошлом году, не получится. Люди тогда бузить начали сильно. Мол, вы почему нам весь парк вырубili, на каком основании? Мне начальство по шапке дало. В общем, в этот раз надо придумать экспертизу какую-нибудь, чтобы потом вопросов не возникало.

– Какую еще экспертизу? Где я тебе ее возьму? – отвечал первый, седой – это его голос был похож на папин.

– Ну не знаю, придумай что-нибудь. Может, больные они все. Или аварийные: упадут, провода оборвут. Что-то такое. Не важно даже, что там будет написано. Лишь бы бумажка какая-то была, чтобы мы ее могли предъявить. Тогда проблем не будет.

Миша почти ничего не понимал из их разговора. Какую-то ерунду обсуждали. Но он все равно смотрел, наблюдал, особенно за этим седым. Глаза у него были маленькие, черные, рыскали по двору, пока говорил сидевший напротив мужик в костюме. Что-то эти черные глаза Мише напоминали, где-то он этого сухопарого смуглого типа уже видел. Не мог только вспомнить где.

– Кстати! Не зря про управляющую компанию вспомни-

ли, – продолжил он после минуты раздумий. – Они ж могут сами написать обращение: деревья больные, надо срубить. Так нормально?

– Интересно. Надо обмозговать... Знаешь, да, можно попробовать. Пусть накалякают какую-нибудь писульку. В идеале, чтобы жителей человек десять-двадцать подписались.

– Это устроим.

– Но все равно экспертиза хотя бы формальная нужна. Можно найти каких-нибудь забулдыжных экологов-биологов, которые красиво распишут, что деревья эти гнилые и надо их рубить.

– Хорошо, будет тебе экспертиза.

– Только чтобы все по-настоящему. С печатями, с подписями. Чтобы не подкопаться.

– Слушай, мы вот вроде со школы знакомы, и я тебя за эти тридцать с лишком лет ни разу не подводил.

– Ладно-ладно, Коль. Не нервничай. Верю тебе. – Мужчина в костюме встал, пригладил волосы, поправил пиджак. – Хороший тут район, конечно. Как ты сказал? Тихий, спокойный... и речка рядом.

– Главное, зелени много, – вдруг сказал третий, высокий. Шаурму уже доел. – Рубить не перерубить.

– Это точно. А я вот только сейчас вспомнил этот дворик... У меня вот в этом самом панельном доме девочка жила, встречались в десятом классе. Да-да, точно этот двор. Много поменялось, правда. Вот этого дерева не было, на-

пример.

Он показал на клен. Миша быстро спрятался за ствол, стараясь не шуметь и не задевать веток. Даже прилег к земле, чтобы точно никто не смог его заметить.

– И не будет, – услышал он голос седого.

– Хорошо. Тогда все на этом. Я пойду первым. Вы сразу за мной не выходите, обождите минут пять-десять.

Шаги зачастили по тротуару в сторону улицы. Миша поллежал еще минуту на траве и только потом снова выглянул из-за дерева. Мужчина в костюме ушел, в беседке остались те двое, сидели теперь напротив друг друга.

– Ну что, покупаем бензопилу? – спросил высокий.

– Покупай, Вася. Я же говорил, что мой дружбан не кинет. Видишь, придумали, как разрулить ситуацию. А ты паниковал...

– Не нравится мне этот мужик. Ненадежный он стал. Раньше мы с ним хорошо зарабатывали, а теперь... Раз в год что-то подкинет, да и то, столько условий теперь ставит, что влезать не хочется.

– Ничего. Я нам скоро такой проект подыщу, что на год вперед доходом будем обеспечены.

– Ты мне про этот проект уже месяц талдычишь, и ни слова по делу. Все вокруг да около.

– Не хочу рассказывать, пока все на мази не будет. Мало ли что-то не по плану пойдет. Нам пока с этим подрядом надо разобраться. Про зеленый район ты, кстати, хорошо под-

метил. Десятком деревьев больше, десятком меньше – кто заметит?

Седой метнул взгляд на клен. Миша вовремя спрятался, не засекали.

– Ладно, пошли. Сразу в управляющую зайдем, чтобы не откладывать в долгий ящик.

Миша услышал, как они встали и ушли. Посчитал про себя до ста, все еще сидя за кленом, и только потом сорвался с места – побежал к маме в магазин. Надо срочно рассказать про деревья, про вырубку. Она должна что-то с этим сделать, куда-то позвонить, кому-то пожаловаться.

Как назло, в магазине была покупательница – полная женщина за пятьдесят тучкой плавала от вешалки к вешалке, задавала вопросы: что сколько стоит, какие размеры. Мама около прилавка искала для нее платье.

– Мам, я сейчас во дворе сидел, – начал Миша негромко, чтобы не слышала покупательница. – Там какие-то мужики обсуждали, что деревья будут рубить.

– Мне некогда, – ответила она строго. И посмотрела так, что захотелось сразу убежать домой, закрыться в своей комнате и никогда не выходить из нее. – Дома поговорим.

Знал Миша эти отговорки. «Дома поговорим», – как бы не так. Сейчас, на работе, некогда. Дома готовка, или стирка, или бухгалтерию будет считать – тоже некогда. Всегда некогда. А что, если ждать нельзя? Что если уже сегодня вечером будут рубить?

– Можно еще вот эти брюки? Которые красные, клеш, – попросила покупательница.

– Да, конечно. Сейчас в подсобке размер посмотрю, – ей мама ответила уже спокойно, с улыбкой.

С покупательницей – не то что с сыном. С покупателями ласково, улыбаясь. С сыном всегда строго и сухо. Мишу это взбесило, и он пошел за мамой в подсобку.

– Мам, это правда, я не шучу. Реально какие-то мужики сидели во дворе, про деревья говорили, срубить их хотят. Вообще они не хотели, чтобы их кто-то слышал. У меня случайно получилось подслушать.

– Ну что за чушь? – шипела мама, не отвлекаясь от поиска брюк. – Что они там рубить собрались? Какие деревья? Сколько?

Миша попытался всерьез вспомнить сколько...

– Деревья в нашем дворе, штук десять, наверное. – Миша представил десять деревьев, как они стоят в ряд друг за другом. Показалось, что это очень много. – Да, десять. Что-то такое говорили.

– Десять деревьев? – фыркнула мама. – Всего лишь? Ты тут такую панику развел, будто они весь Юбилейный с землей сравнивать хотят. Уйди, не мешай.

Нашла-таки брюки, вернулась в зал и снова заговорила с покупательницей милым, добрым голосом:

– Вот, ваш размер. Мерить будете?

– Нет, я их на прошлой неделе уже у вас мерила. Може-

те сразу упаковать, к остальным. Я пока вот еще блузки посмотрю.

Миша тоже вернулся в зал. Мама за прилавком наполняла здоровенный пакет разнообразной одеждой и складывала цены на калькуляторе.

– Ты не понимаешь. – Миша уже не стеснялся покупательницы, говорил громко и четко, чтобы мама не могла его игнорировать. – Они даже на наш клен показали, что срубят его. Помнишь тот клен? Мы с папой вместе посадили. Давно, я еще маленький был.

Покупательница отошла от вешалок, направилась к выходу.

– Вижу, вы немного заняты. Я тогда попозже зайду, хорошо?

Тучка покинула магазин, уплыла к рынку, смотреть одежду в других магазинах.

– Ну вот что ты наделал, а?! Приспичило тебе прямо сейчас рассказывать этот бред про деревья?! – закричала мама, просто взорвалась.

Она ткнула Мише в лицо калькулятор.

– На, посмотри! На десять тысяч набрала товара, уже купить была готова, а тут ты! Все испортил, как всегда...

Миша стоял перед ней. Глаза в пол. Руки к бокам прижаты. Десять тысяч... это как десять билетов на «Ласточку» до Сочи... очень много.

– Я тут вошкаюсь, как не знаю кто! Работаю за двоих!

А ты? Ну вот приспичило же пристать с этими дурацкими деревьями, когда у меня единственный покупатель за весь день! Ну что за идиотина!

Миша не был уверен, получится ли еще когда-нибудь услышать голос отца возле клена. Но этот мамин голос, конкретно вот эти слова, звенеть в голове будут еще очень долго. Несколько дней уж точно. А может, и несколько лет.

– Видеть тебя сил моих нет... Домой иди! Попробуй только помешать мне, когда покупатели будут, – так получишь, мало не покажется!

Мамина рука пролетела прямо у него перед носом, вытянутый палец показал на дверь.

Миша вернулся домой и весь день просидел у окна: наблюдал за двором, следил за деревом. Никто не пришел рубить его клен. Ни на следующий день, ни еще через один. Наверное, Миша и вправду «идиотина», как сказала мать. Может, не было на самом деле тех мужчин во дворе? Может, он сам их выдумал от скуки? Как и голос отца...

Глава 8

Раздражало, что со сборкой отцовского самолета интернет оказался бесполезен. Ребята в школе часто спорили с учителями: типа зачем учить какие-то даты по истории или термины по физике, если все можно за полминуты найти в интернете. Миша и сам спорил однажды с учительницей биологии: показывал приложение, которое могло определить, ядовитый гриб или нет, поэтому нет смысла учить их названия и внешние признаки наизусть.

Но сейчас интернет ему мало помогал. Миша пытался спросить про самолет в чате с ИИ, но там в выдаче были только общие советы. Чтобы узнать что-то конкретное, надо было самому в этом хорошо разбираться. Вбивал еще в поисковике разные запросы: «как собрать самолет», «самолет своими руками», «сделать летающую модель». В свободное время листал страницы в выдаче, тыкал одну ссылку за другой. Попадались статьи и видео про самолетики из бумаги, про смешные поделки из ватных палочек и картона; было что-то и про деревянные модели, но совсем другие, попроще, без двигателя.

Один раз все же удалось найти инструкцию по созданию чего-то похожего на то, что начал делать отец, но от указаний в этой инструкции глаза на лоб лезли. Там одних только инструментов целый список: пила, напильники разных видов

и размеров, стамески, рубанки, дрель, шлифмашинка и еще целый вагон расходников. Что-то из этого можно было найти в школьном кабинете труда, но приносить туда самолет Миша не собирался, сразу на смех поднимут, а выносить что-то оттуда – это уже воровство.

Получалось так, что другого выхода, кроме как ехать в авиаклуб, не оставалось.

Договорились встретиться с Арсеном после уроков. Миша сразу взял с собой самолет. Достаточно большого пакета дома не нашлось, поэтому Миша нес его в руках под удивленными взглядами прохожих. Встретились с Арсеном на Платановом бульваре, пошли на остановку на проспекте Чекистов, сели на одиннадцатый трамвай до железнодорожного вокзала.

Вообще мама запрещала уезжать из района. Город большой, опасно, тем более на вокзале, где, по словам родителей и учителей, много пьяниц, наркоманов и бездомных. Но Арсен уверял, что ничего страшного там нет. Главное, не разговаривать ни с кем чужим, тогда все будет в порядке. Миша был не против рискнуть. Тем более его бывшие друзья по футбольной команде часто хвастались, что ездят и в центр на Красную, и в парк Галицкого – и все время сами, либо на общественном транспорте, либо на такси. Миша не знал, правда это или парни приукрашивают, но самому тоже хотелось выехать куда-нибудь из района. Спрашивать разрешения у мамы после ссоры в магазине он не собирался.

На вокзале оказалось и вправду неприятно. Если б Миша был один, он бы не решился выйти из трамвая и сразу бы поехал обратно, в уютный и спокойный Юбилейный.

Когда вышли на конечной, первым, кого парни увидели, был мужик без ноги в грязной куртке. От него пахло мочой, он протягивал к прохожим кепку, там болтались какие-то монеты. Сбоку от остановки два пьяных мужика ели чебуреки около киоска с выпечкой. Они тоже воняли, но по-другому, совали себе в рот жирное тесто с мясом и смотрели на Мишу с самолетом.

– Не тормозим, – сказал Арсен.

Вышли на парковку. Казалось, там не меньше сотни машин пеклись под солнцем, и еще столько же пытались разъехаться впритирку друг с другом. Тут же проезжали огромные автобусы, елочкой выстраивались перед зданием автовокзала, который был ровно напротив вокзала железнодорожного. Все машины гудели, пыхтели выхлопными трубами, воняли бензином и резиной, отражали зеркалами солнечный свет прямо в глаза.

Люди с огромными сумками неслись по узким тротуарам, стояли плотной кучкой в очереди на входе в здание вокзала, тянули чемоданы за собой, матерились направо и налево. Такая была толкотня, что Миша уже смирился: все, пропал самолет, тут его рано или поздно заденут, затопчут, сомнут.

Но, к счастью, ничего не сломали. Они с Арсеном прошли еще метров сто, людей и машин стало поменьше, задышалось

легче.

Завернули направо, тут была небольшая площадь с памятником Ленину.

– Если сам приедешь, легко запомнить, где вход – сразу за памятником, – подсказал Арсен и поднялся на крыльцо.

Даже если Миша сам приедет сюда и даже если найдет вход в ДК, то внутри он потом точно заблудится. Арсен так долго вел его по коридорам и лестничным пролетам, что Миша окончательно запутался. В итоге пришли к неприметной двери в конце темного закоулка: в таких местах обычно прячутся туалеты или кладовки.

Арсен постучал, заглянул внутрь, что-то сказал, потом вернулся к Мише и позвал зайти.

Внутри было просторное помещение, совсем не кладовка. Потолки высокие, стены светлые, из окна виднелся шпиль главного здания вокзала. Столы стояли в три ряда, за ними сидела малышня, возрастом как из начальной школы, вылупились на заготовку самолета в Мишиных руках. У стены напротив за массивным столом сидел мужчина в возрасте. С виду пенсионер, лет за шестьдесят. Крупный, но не толстый. В потертом костюме мутно-болотного цвета и серой рубашке с расстегнутым воротником. Лицо чуть смуглое, глаза серо-зеленые, под цвет костюма. Под большим носом-картошкой полоска седых усов, по форме напоминающих крыло самолета, но щеки и подбородок гладко выбриты.

– Николай Егорыч, я к вам ходил пару лет назад,

помните? – сказал Арсен.

– Манукян – помню, конечно. Всех своих помню, не так много вас через меня проходит.

Голос у Жуковского был громкий, уверенный, но не строгий. Не слишком низкий, не слишком звонкий. Командирский. Говорил он с Арсеном, но смотрел неотрывно на Мишу с самолетом. А Миша как дурак пялился на его правую руку, на которой два пальца, большой и указательный, были обрублены до середины.

– Что это вы за поделку принесли?

Миша подошел к преподавательскому столу, положил модель перед Егорычем.

– Это мой папа начинал собирать, но закончить не смог.

Голос чуть задрожал под конец фразы. Испугался, что сейчас придется объяснять все неудобные обстоятельства. Но Егорыч ничего не говорил, только смотрел в глаза Мише. Миша понял: этот ничего не будет спрашивать, сам все поймет. Облегченно выдохнул.

– Я хотел закончить ее, – продолжал он. – Но я не знаю как. У вас есть инструкция для похожих самолетов?

– Для таких не бывает инструкций, – ответил Егорыч и стал рассматривать модель.

Когда Миша с Арсеном только зашли в комнату, тут было тихо, дети за столами спокойно пилили, шкурили. Но сейчас они зашумели, обсуждая принесенный самолет.

– Так, что за галдеж? – Егорыч строго посмотрел на под-

опечных. – Работы мало? Я могу добавить.

Малышня утихла, зашуршала наждачками и напильниками по фанере. Миша бросил взгляд на них – собирали игрушечные самолеты, деревянные бипланы размером с ладонь.

Пока Егорыч просматривал модель – внимательно, неторопливо, аккуратно держа ее за нижнюю часть фюзеляжа покалеченной рукой, – Миша разглядывал стеллажи, расставленные вдоль стен комнаты. Стамески, рубанки, напильники – тут было почти все необходимое, если верить статьям в интернете. Это ободряло.

– Модель оригинальная. Сразу видно, не из учебника или пособия, – вновь заговорил Егорыч.

– Как это – не из учебника?

– Вот, посмотри.

Егорыч достал из ящика в столе книгу с потрепанным корешком и погнутыми уголками. Показал желтые трухлявые страницы, где были схемы различных самолетов и описания к ним.

– Это условно стандартные модели, – продолжал преподаватель. – Мы такие с учениками постарше делаем.

– Да-да, помню, – влез Арсен. – Я тоже такую делал! Дома лежит, запускаю иногда, когда погода позволяет.

– Так вот, твоя модель нестандартная. – Егорыч убрал книгу обратно в стол и вновь обратился взглядом к самолету. – Говоришь, твой отец начинал ее собирать? Если так, то должны остаться чертежи. Без чертежей такую сложную мо-

дель не получится доделать.

– Я не знаю о чертежах, – уныло проговорил Миша, расстроенный тем, что о готовой инструкции к действию нечего и мечтать. – Как они должны выглядеть?

Егорыч раскрыл тетрадь, которая лежала тут же на столе, показал Мише. Арсен тоже внимательно смотрел. Это были схемы, начерченные карандашом так хорошо и ровно, словно на принтере распечатали.

– Вот так примерно: вид спереди, вид сбоку, вид сверху, изометрия. Для всей модели целиком и для важных деталей отдельно. Еще должны быть размеры и схема сборки. И да, здесь, судя по всему, предусматривалась механическая часть. Двигатель, управляющие элементы. Закрылки на чем планировалось делать – не знаешь?

Миша впал в ступор. Чертежи, двигатель, закрылки... Что он в этом понимает? Как все это собирать? Откуда брать материалы и деньги на них? Нет, зря он сюда пришел. Только ложную надежду себе давал. Ничего не получится. Лучше забрать этот дурацкий самолет, выкинуть его в ближайший мусорный бак. И остальные модели из дома тоже выкинуть. Забыть обо всем!

– Нет, не знаю ничего... Извините, пожалуйста, что мы вас отвлекли, – пробормотал Миша и схватил самолет. – Простите. До свидания.

Он развернулся и пошел на выход, плечом отодвинув Арсена в сторону.

– А ну стоять!

Миша остановился от одного только звука голоса, не успев понять смысл слов.

– Кругом! – новая команда.

Миша повернулся. Егорыч поднялся со стула.

– Подойди. Положи модель обратно на стол, – приказал Егорыч. Миша повиновался. – Теперь отвечай: хочешь доделать самолет или как?

– Хочу, – промямлил Миша.

– Не слышу.

– Хочу! – повторил он громче.

– Значит, будем доделывать. Постепенно, не все сразу. Работа эта не быстрая, надо запастись терпением.

– Ладно, – на выдохе ответил Миша, опустив глаза в пол.

– Вы с Арсеном друзья? Значит, ты тоже с Юбилейного?

– Да.

– Хорошо. Модель можешь оставить здесь, чтобы не таскаться с ней каждый раз. Я уберу в подсобку, там никто посторонний не тронет, не сломает. – Егорыч бросил строгий взгляд на детей в комнате, которые нет-нет да и поглядывали с любопытством на принесенный самолет. – Арсен тебе тоже поможет. Так, Манукян?

– Да я вообще... я готов... я буду пилить и шкурить, сколько понадобится, – затараторил Арсен.

– Отлично. Ты пока, – вновь обратился к Мише, – начни с чертежей, поищи дома. Должно же быть хоть что-то: ка-

кая-то схема, список деталей... Я тоже осмотрю модель по-внимательнее, составлю план-схему по своему усмотрению, замерю. С этого начнем, а дальше видно будет. Согласен?

– Да, – тихо ответил Миша, впервые посмотрев на самолет не с разочарованием, а с надеждой. – Николай Егорович, только у меня это... Сколько стоят занятия? Я не уверен, что мама согласится оплачивать.

– Ничего оплачивать не нужно, у нас муниципальное учреждение. Пусть мама заявление заполнит. Вот бланк, держи. – Егорыч достал из папки на столе бумажку, вручил Мише. – Принесешь его, мы тебя зачислим.

– А мне надо заявление? Я помогать хочу! – напомнил о себе Арсен.

– От твоих родителей уже есть старое заявление, я его из архива возьму. Только предупреди их, им позвонить могут, данные уточнить.

На этом и разошлись. Миша ушел без самолета, но с бланком заявления в кармане. Обратно ехали не на трамвае, а на восьмом троллейбусе – его остановка была ближе к ДК, не пришлось идти мимо вокзала. Решили, что в следующие разы именно на троллейбусе будут приезжать.

У Арсена случился прилив вдохновения. Он без умолку рассказывал, как они будут теперь приезжать, делать модель. Говорил, что надо в ближайшие дни, пока погода хорошая, пойти вместе позапускать его кордовую модель, которую собирал у Егорыча. Миша не отвечал, слушал вполуха. Смот-

рел в небо через мутное окно троллейбуса и представлял, как там, над вершинами деревьев и крышами зданий, пролетает самолет, который они непременно доделают.

Глава 9

Заявление у мамы получилось подписать без проблем. Миша боялся, что начнутся прежние разговоры, что она не хочет в этом участвовать, надо выбросить все эти самолеты, лучше б за учебу взялся, а то оценки в новом учебном году хуже некуда. Но ничего такого не было. Она только спросила: – Это бесплатно?

Миша кивнул. Мама подписала бланк. О том, чтобы просить денег на какие-то материалы для сборки, не стоило пока и думать.

После посещения клуба любовь к авиации с новой силой загорелась в Арсене. Они и раньше обсуждали на перемене модели самолетов: каким получился Ил–2, какие бывают вообще конструкторы, в чем их отличия. Но это все получалось естественно – так же, как обсуждения домашки или новой компьютерной игры. Теперь же Арсен буквально задыхался от радости и восхищения, когда говорил о своих поделках или планах по сборке Мишиной модели.

Главной идеей для него стало пойти вместе с Мишей запускать кордовую модель: ту самую, которую он собрал у Егорыча года два назад. Миша не то чтобы отказывался, а уходил от темы. Запускать игрушечный самолет – это казалось чем-то несерьезным, глупой детской игрой, в которую им, семиклассникам, уже стыдно играть. Все равно что

устраивать чаепитие с мягкими игрушками. Детский сад просто. Миша сразу представлял: выйдут они на улицу с этой бандурой, сразу же наткнутся на Нестерова с Камозиным, и те снова придумают какую-нибудь обидную шутку, после которой еще неделю настроения не будет.

Но Арсен все-таки придумал, как уговорить Мишу. С очень серьезным видом рассказывал, что, прежде чем брать-ся за самолет с радиоуправлением, о котором мечтал теперь Миша, нужно сначала научиться управлять кордовой моделью. Это лучший способ научиться понимать, как самолет движется в воздухе, почувствовать его баланс и аэродинамику. Арсен говорил, что Егорыч никого не допустит к управлению самолетом без опыта с кордовой моделью. После этих слов Миша все-таки согласился – получается, это уже не игра, а такое обучение, обязательное и неизбежное.

Договорились встретиться утром на бульваре. Миша пришел раньше, ждал друга на скамейке. Арсен чуть опоздал, зато догадался сложить самолет в плотный пакет из-под обуви, чтобы не светить крылатой поделкой с пропеллером на весь район.

– Запускать пойдем на речку, – сказал Арсен.

– На набережную? Да ну... Там людей много, наши тоже гуляют постоянно.

– Не-не, на набережную соваться не будем. Я знаю одно место: просторно, людей нет, ветер легкий, как надо.

– Далеко ехать?

– Ехать не надо, пешком дойдем. Там около речки стройка идет, поэтому рядом никто не ходит: шум, пыль, техника ездит, дороги в грязи. Но нам там не пикник устраивать, поэтому нормально.

– А ничего, что стройка? Не прогонят?

– Мой папа там прорабом работает, поэтому ругаться никто не будет. Меня там все знают. Да и потом, мы ж на самую стройку лезть не собираемся. Просто рядом потусим, самолет позапускаем.

Мишу успокоило, что отец Арсена прораб на стройке. Если там реально работа идет полным ходом, то людей не будет совсем, особенно знакомых из школы.

Шли молча и быстро. Хотя запускать самолет все еще казалось детским занятием, недостойным семиклассника, Миша в глубине души все равно не терпелось увидеть модель в воздухе, поуправлять ею, послушать жужжание двигателя.

Когда проходили мимо бетонной площадки скейтпарка, где было особенно много ребят из школы, Миша ускорил шаг. Пусть самолет лежит в плотном пакете, но мало ли – вдруг кто-то заинтересуется, полезет расспрашивать, заглянет внутрь.

– Чего тормозишь? Идем быстрее, – подгонял он Арсена.

Но Арсен не торопился. Наоборот, только замедлился. Неотрывно наблюдал за скейтпарком.

– Смотри – это что, новенькая? Ну да, Лиза вроде. Не знал, что она на роликах катается.

Миша остановился, тоже пригляделся. На бетонной рампе среди кучки парней со скейтбордами была только одна девчонка на роликах. В коротких джинсовых шортах (хотя на улице было уже прохладно), сером свитере, розовых наколенниках и шлеме. Конечно, это была Лиза. Ее легко узнать даже с десяти метров и в шлеме: по длинным худым ногам, щуплым плечам, остроту которых не мог скрыть даже широкий свитер, по невозмутимому лицу и сосредоточенному взгляду. Никакой обыкновенной девчачьей легкомысленности и веселости. Смотришь на нее и не знаешь, о чем она думает.

– Надо поздороваться, – сказал Арсен.

– Ты чего? Лучше пойдем скорее, пока она нас не заметила. А то еще спалит, что мы с самолетом в пакете тут ходим.

– Ну и что, что спалит? Она нас уже точно заметила. Если мы сейчас пройдем и не поздороваемся, типа не узнали, то она тоже вне школы не будет нас узнавать и здороваться. Ты этого хочешь? Я – нет.

В это время Лиза как раз закладывала очередной вираж недалеко от них. Арсен вскинул руку, сказал: «Привет!» – и, чтобы его наверняка заметили, сделал пару шагов вперед, прямо на край рампы...

– Арс, куда ты! – успел крикнуть Миша, но было поздно.

Арсен встал поперек виража Лизы. Столкновение было неизбежно. Лиза поставила ноги боком, постаралась затормозить, но все равно влетела в Арсена. Она машинально

схватила его за плечи, Арсен ее – за талию. Они два раза прокрутились в этом танце и разлетелись в разные стороны: Лиза – на тротуар, пакет с самолетом – на лужайку, Арсен – вниз на дно рампы.

Пока пацаны со скейтами гоготали на другом конце площадки, Миша подбежал к Лизе, помог ей подняться.

– Извини, пожалуйста! Я говорил ему, не надо мешать... Ты не ударилась? Ничего не сломала?

– Нет, все в порядке. Не зря же наколенники надела.

Лиза легко поднялась. Стоя на роликах, она была даже чуть выше Миши. Не злилась, не хныкала. Видно только, что чуть покраснела и сбила дыхание. В остальном как будто и не было падения.

Арсен напомнил о себе:

– Как там самолет? Не сломался?

Он выкарабкался со дна рампы, подбежал к пакету, достал модель, чтобы осмотреть. Миша тут же оставил Лизу, подскочил к нему.

– Не свети самолетом, Арс, – сказал он. – Положи обратно в пакет, пока никто не заметил.

– Ага, сейчас.

– Ты сам как? Не поранился?

– Ссадина на локте, но ничего. Нормально все.

– Что у вас там? – слышался голос Лизы у них за спинами.

Арсен быстро засунул самолет обратно в пакет. Ребята

обернулись к однокласснице, пряча пакет за спинами.

– Да так, ничего, – ответил Миша.

– Ага. Хлам всякий, – поддакивал Арсен.

– Извини еще раз за аварию.

– Да, Лиз. Извини. Я не хотел.

– Ну, мы пойдем?

– Да, пойдем, Миш.

Парни уже развернулись уходить, но Лиза их мигом одернула:

– Стойте!

Оба посмотрели на нее. Лиза была все такой же спокойной, непроницаемой.

– Я сейчас, – сказала она и укатила на роликах в сторону.

Подъехала к скамейке, где были свалены вещи всех, кто катался на рампе: рюкзаки, куртки, пакеты, бутылки с водой. Лиза взяла из общей кучи свой рюкзак, подкатила с ним обратно к парням. По пути она расстегнула передний карман, достала полоску пластыря и протянула Арсену.

– На. Локоть заклей. А то кофту кровью запачкаешь.

Арсен так обрадовался, что даже забыл поблагодарить. Раскрыл упаковку и наклеил пластырь на локоть, который и вправду был сильно разодран.

– Так что у вас в пакете? Реально самолет?

– Ну да, – обреченно вздохнул Арсен. – Ничего особенного. Простая кордовая модель.

– Модель? Типа игрушечная?

От слова «игрушечная» Арсен явно сник, не хотел уже ничего объяснять.

– Нет, не игрушечная. Она реально летает, – объяснил Миша. – Арс сделал, давно уже. Так ведь? – Арсен вновь приободрился, энергично закивал. – Мы запускать ее идем.

– Запускать? Seriously? Прямо в небо?

– Ну да, а куда еще, – осторожно ответил Арсен.

По лицу Лизы все еще не было понятно: она издевается над ними, или всерьез интересуется, или ей все равно. Мишу эта неопределенность пугала.

– Ну, мы пойдем, – сказал он и потянул Арсена за собой. – Приятно тебе покататься.

«Еще неплохо отделились», – подумал Миша. Арсен теперь не тормозил – зачастил впереди, шурша пакетом.

– Подождите! – снова голос Лизы.

Вслед за голосом послышался звук подъезжающих роликов. Делать нечего: остановились, снова повернулись к ней. Ну все, сейчас точно начнет подшучивать...

– А можно с вами?

Миша с Арсеном переглянулись, будто глазами спрашивали друг у друга: «Ты тоже это слышал?»

– Хочешь пойти с нами? Запускать самолет? – не веря своим ушам, переспросил Арсен.

– Ага. Вы против?

У Миши что-то щелкнуло в голове. Наконец он понял, о чем думала Лиза, прочитал мысли по ее непроницаемому

лицу. Она же стеснялась! И нервничала. И слегка боялась. А это значит – Лиза не смеялась и вправду хотела пойти с ними.

– Конечно! – опомнился Миша. – Мы не против. Давай с нами. Да, Арс?

– Что? Да... Да, давай! Ты же мне, вон, пластырь дала. Все – считай, в команде!

– Класс! Я только переобуюсь. Подождете?

Она села на ближайшую скамейку, достала из рюкзака кеды, начала расшнуровывать роликовые ботинки.

– Меня приглашали пару раз, – рассказывала Лиза, пока возилась со шнурками. – На футбол сходить или в торговый центр. Но мне на футболе скучно, я в нем ничего не понимаю. По магазинам тоже ходить не люблю. Все равно денег нет, ничего не купить, даже если понравится. А самолет запускать – такого я еще не видела. Это так интересно, наверное.

Закончила с переобуванием, сложила ролики, наколенники и шлем в рюкзак, встала со скамейки и, сияя улыбкой, сказала:

– Я готова! Куда идти?

Глава 10

Вопреки словам Арсена, на стройке было тихо, лишь изредка раздавался стук молотка. Они втроем прошли мимо забора из металлических листов и спустились к реке через невысокий перекат с густыми кустами, отделявший стройплощадку от реки.

Дождей не было больше недели, и Кубань отступила от берега метров на десять-двадцать – открывшееся дно с редкой порослью осоки образовало широкий песчаный пляж. Вышли на середину, Арсен достал самолет из пакета. Модель была очень простой – легкая конструкция из красного пластика, размах крыла сантиметров пятьдесят, мотор с маленьким пропеллером в носовой части. К боковине фюзеляжа прикреплены два конца тонкой веревки, которая была обмотана вокруг самолета и заканчивалась на деревянной ручке, похожей на расческу без зубчиков.

– Объясняю, как это работает, – начал Арсен, разматывая веревку. – Запускается мотор, самолет начинает движение. Управление происходит через трос. – Он показал ребятам ручку, к которой крепились веревки. – Тянете на себя, вот так, самолет поднимается вверх. Тянете от себя – опускается вниз. Все движения должны быть маленькими, аккуратными. Тот, кто управляет, стоит в центре, и самолет летает вокруг. Я зафиксирую руль направления так, что самолет будет

вылетать из круга. Это нужно, чтобы трос все время был в натяжении. Поэтому держите за ручку крепко, чтобы не выпустить. Вроде все объяснил. Единственное, я за трос переживаю... Это должна быть леска или что-то типа того. Я дома ничего подходящего не нашел, поэтому привязал обычную бечевку. Но она вроде крепкая. Надеюсь, не порвется.

Миша с Лизой не перебивали, внимательно следили за движениями Арсена, слушали инструкции. Было слегка волнительно, как перед походом на аттракцион или поездкой в новый город: вроде и понимаешь, что должно понравиться, но какие именно будут ощущения, пока не представляешь.

– Так... Да, еще палка нужна, – сказал Арсен, закончив разматывать веревку. – Подлиннее и покрепче. Миш, поищешь там что-нибудь?

Миша подошел к перекату на берегу. Среди кустов лежал высохший ствол сваленного дерева с торчащими в разные стороны ветками. Миша отломал одну из них, пошел с ней обратно к Арсену.

– То что нужно. Помоги воткнуть в песок поглубже. Вкрутили ветку в песчаное дно, как пляжный зонтик. Добавили песка с разных сторон, притоптали его для прочности.

– Вот, за палку можно держаться, – объяснил Арсен. – Так будет проще крутиться вокруг своей оси и не сбиваться.

Он оставил ручку управления у импровизированного шеста, а самолет отнес метров на пять в сторону, чтобы растянуть трос во всю длину по песку.

– Вам надо будет выйти из круга и отойти, – продолжал инструктировать Арсен. – Я проведу первый запуск, чтоб вы посмотрели, как это вообще происходит. Миша, к тебе просьба. Радиоуправления у меня нет, надо будет мотор вручную запускать.

Арсен показал, где кнопка включения двигателя. Нажал – пропеллер закрутился с пронзительным жужжанием, нажал еще раз – затих.

– Когда включишь, сразу отходи. После полета я посажу модель на песок, тебе надо будет ее поймать и выключить двигатель. Справишься?

Миша кивнул, промычал что-то утвердительное.

Обернулись к Лизе. Она хоть и слушала, следила за всем, но уже сидела на безопасном расстоянии, на рюкзаке, чтобы не испачкать шорты.

Арсен подбежал к воткнутой в песок палке, ухватился за нее левой рукой, правой взялся за ручку управления. Дал команду:

– Запускай!

Миша нажал кнопку за пропеллером. Мотор снова заведёлся, самолет вырвался из рук, поскакал по мелким песчаным барханам. Миша отступил назад, встал рядом с Лизой.

Самолет пролетел первый круг на уровне колен. Арсен медленно крутился вокруг палки, ведя модель на тросе. На второй круг поднял ее чуть выше, на уровне плеча. На третьем круге Арсен начал исполнять пилотажные фигуры. Са-

молет резко взмыл вверх, пролетел полкруга на высоте трех-четырех метров, а потом так же резко опустился вниз на прежнюю высоту. Спустя еще круг самолет снова взмыл вверх, описал полукруг над головой Арсена, а потом выровнялся и летел дальше уже вверх тормашками. Еще раз то же самое, и вот уже он снова летит прямо, колесами вниз. Снова два круга обычного полета и затем снова взлет: самолет задирает нос вверх, пока не оказался перевернутым, а потом так же плавно вырулил на прежнюю траекторию. Получилась мертвая петля.

Лиза захлопала, что-то одобрительно прокричала. Миша ее не слушал и даже не следил за самолетом. Он уже видел себя с пультом в руках, а те же самые фигуры под его управлением выполнял самолет, который пока лежал у Егорыча в авиаклубе.

– Миша, глуши двигатель! – раздался голос Арсена.

Миша очнулся, увидел, как самолет скачет по песку. Он рассчитал момент и аккуратно схватил модель, чтобы не задевать крутящийся винт. Выключил мотор. Жужжание затихло.

– Кайфуха! – сказал Арсен, подойдя поближе. – Давно не запускал. Думал, что забыл, как делать мертвую петлю, но вроде неплохо получилось, ровненько.

– С ума сойти! – подошла к ним Лиза. – Можно я тоже попробую?

От ее прежней невозмутимости не осталось и следа. На

лице – широкая улыбка, в глазах – блеск энтузиазма. Руками она потянулась к самолету: пощупать его, погладить, почувствовать его вес.

– Без проблем! Пойдем, я тебе еще раз объясню, как управлять. Миш, побудешь снова на запуске?

– Не вопрос. Жду команды.

Миша поставил самолет на песок, присел рядом на корточки. Лиза с Арсеном вместе пошли к шесту. Он провел повторный инструктаж, потом вернулся к Мише и встал позади.

– Готова? – крикнул Лизе.

– Готова! – крикнула она в ответ.

Без лишних слов Миша запустил мотор и отступил назад. Теперь они стояли бок о бок с Арсеном и смотрели – не столько на самолет, сколько на Лизу.

Взлет у нее получился не такой плавный, как у Арсена. С земли модель резко взмыла вверх, поднялась метров на пять, потом так же резко опустилась, чуть не врезавшись в песок. Три круга самолет летел такими волнами, вверх-вниз, вверх-вниз, пока более-менее не стабилизировался на нормальной высоте полутора метров.

– Аккуратнее тут надо, – негромко комментировал Арсен. Из-за шума двигателя Миша его еле слышал. – Набирать высоту постепенно: сначала на полметра, потом на метр, потом выходить на уровень плеча.

Арсен вытянул перед собой кулак, будто сам сейчас дер-

жал рукоять и управлял самолетом. Миша следил за ним, как двигается только кулак: чуть на себя, чуть от себя.

– Получается, рукой тут вообще двигать не надо? Только кистью?

– Да. Всей рукой двигать приходится только при мертвой петле или других сложных фигурах. Мне так объяснял Егорыч: представь, что у тебя запястье зажато между двумя палочками, сверху и снизу. Если хочешь вверх поднять самолет, давишь запястьем на нижнюю палочку; если вниз – давишь на верхнюю палочку.

Миша представил себя с палочками на запястьях, попробовал подавить вверх-вниз. Вроде понял.

Лиза тем временем научилась держать самолет прямо, освоила плавный подъем и спуск, но к пилотажным фигурам перейти не успела.

– Я все! – крикнула она парням. – Голова кружится, не могу больше!

– Выходи на посадку! – отвечал Арсен. – Как я тебе говорил: плавно вниз, а потом, перед приземлением, рукоять чуть на себя!

Лиза провернулась еще один круг. Самолет плавно опустился, перед самой посадкой чуть дернулся носом вверх и приземлился прямо на шасси. Миша сразу поймал модель и выключил мотор.

– Приземление просто супер! Я бы сам не смог лучше! – хвалил Арсен, показывая поднятый вверх большой палец.

Лиза шла к ним, шатаясь и держась за голову. Но при это смеялась.

– Это очень круто, но я сейчас упаду. Перед глазами все плывет.

– Да, вестибулярку тренировать надо.

Арсен протянул ей руку, хотел помочь, но Лиза не заметила его и, все так же шатаясь, прошла мимо, села на свой рюкзак. Она вытянула вперед руки, расставила их в стороны, будто пыталась ими остановить вращающийся перед глазами горизонт.

– Вот это да... Меня даже после каруселей в детстве так не штормило.

Проморгалась, смогла сфокусировать взгляд на парнях. Улыбнулась.

– Но все равно было здорово. Спасибо, Арс.

– Да не за что. – Арсен смущенно ковырял песок под ногами. – Потом еще попробуешь. Второй раз должно быть попроще.

– Теперь моя очередь? – сказал Миша.

– Ага. Напомнить еще раз, что как делать?

– В третий раз повторять не нужно.

– Тогда давай иди к шесту. Я буду за мотор отвечать. Дашь команду, когда будешь готов.

Миша махнул ладонью у виска, будто честь отдал. Арсен сделал то же самое. Разошлись.

Около воткнутой в землю ветки было одиноко. Там, за

кругом полета, кто-то был рядом, Лиза или Арсен, а позади простирался целый город, который давал ощущение опоры и безопасности. Внутри же круга не было никого, нужно самому управлять самолетом. Случись что, никто не подскажет и не поможет.

Миша взялся за рукоять, отряхнул ее от песка. Уже и не хотелось запускать самолет, управлять им. Так страшно, что что-то пойдет не так, что он не справится и модель разобьется. Тут еще и ветер поднялся, как назло: порывистый, дул вихрями то в бок, то в спину.

– Подожди пару минут! – крикнул Арсен. – Может, уляжется сейчас!

На особенно сильном порыве Миша закрыл глаза, чтобы песок в них не попал. Боясь, что ветром его может отнести в сторону или даже сбить с ног, он держался рукой за палку. Боролся с желанием все бросить, уйти, сказать, что не получится, давайте в другой раз...

Перед глазами стало очень светло, хотя веки все еще были прикрыты. «Наверное, солнце вышло», – подумал Миша. Но потом на фоне этого света появился человек – вернее, силуэт человека, который шел прямо к нему. Из-за яркого света Миша не мог по внешнему виду узнать, кто это. Но он узнал голос, который прежде слышал только во дворе дома, около клена.

«Не нужно бояться. Ты знаешь, что делать. Ты уже ви-

дел, как летает самолет, как он движется в воздухе. Ты справишься, не сомневайся».

Ветер утих, свет погас. Силуэт исчез. Когда Миша открыл глаза, никого перед ним не было. Солнце скрылось за облаками.

– Теперь можно! – слышался голос Арсена. – Готов?

Миша набрал воздуха в грудь, вспомнил последние слова – «ты справишься, не сомневайся» – и махнул Арсену рукой.
– Запускай!

Неожиданно все страхи и сомнения испарились, когда зажужжал мотор и самолет стал разбегаться по берегу, тянуть за собой натянутую веревку. Миша сосредоточился на ручке управления, надавил на воображаемую палочку под запястьем. Самолет оторвался от земли, и Миша тут же вернул кисть в нормальное положение. Круг сделал на высоте полметра, потом еще чуть поднял, и снова круг – и так четыре круга, пока не вышел на оптимальную высоту.

Миша ни разу не управлял самолетом до этого: ни с папой, ни тем более сам. Это были совершенно новые ощущения. Несмотря на то что Миша вел самолет за веревку, он прекрасно чувствовал его аэродинамику, ощущал сопротивление воздуха, когда пытался набрать высоту, по-новому ощущал ветер, его влияние на полет.

Сделав еще два круга и освоившись с управлением, Миша решил на исполнение пилотажного приема. Того, с кото-

рого начал Арсен. Потянул кисть на себя, самолет взлетел на пару метров. Потом снова прямо, полкруга на одной высоте. Затем чуть надавил на воображаемую палочку сверху над запястьем – самолет пошел вниз. На высоте полутора метров Миша вернул кисть в исходное положение, самолет полетел прямо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.